

Василий
Щепетнев

16+

Исполняющий
обязанности

Василий Павлович Щепетнев

Исполняющий обязанности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67969014

SelfPub; 2022

Аннотация

Обыкновенный человек вдруг узнает, что есть и Другая Россия, и Глубинный Народ, и то, что не такой уж он и обыкновенный, человек-то. Придется пролить немало крови и пота. Вот только слёз – не дождетесь!

Содержание

Пролог	4
1	6
2	15
3	31
Интермедия	56
4	62
Интермедия	82
5	86
6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Василий Щепетнев

Исполняющий обязанности

Пролог

Когда Серый зевал, а зевал он всю дорогу, Колян казалось, что он, Серый, делает это нарочно. Нервирует. А чего нервировать? Дело верное, дело привычное, дело навари-стое. Почистить дачку в степи – что может быть проще? Ну да, его вроде бы сторожит пара хрычей, так что они, хрычи, могут? Самое умное – забиться в уголок, ничего не видеть, ничего не слышать.

Машина, древний «газон», подкатил к воротам. Чушь и дичь. Ворота посреди степи, просто кино.

– Погляди – скомандовал Серый. Ну да, Серый командир, Серый с городскими знается, они, городские, и дали наводку.

Колян вылез из кабины, подошел к воротам. В предрас-светных сумерках они, ворота, выглядели неказисто, однако на фу-фу не возьмешь. И бурьян почти в рост. Ничего, танки грязи не боятся.

– Может, с обратной стороны отпереть можно, – сказал он Серому.

– Может, может, – из-за зевка послышалось “Оет, оет”.

Участок обозначался небольшой канавкой. Шаг ширины,

по колено глубины. Ерунда.

Он шагнул – и упал. Поскользнулся и покатился. Катился долго, прежде чем остановился. Ничего. Не разбился. Он поднялся, огляделся. В овраг скатился, даже в овражище. Откуда взялся? Он и дурь нынче не курил, с чего ж мерещится?

Вокруг валуны, что дома. И ни машины, ни забора, ни особняка впереди. Никого. Он позвал:

– Серый!

Но сам не узнал голоса.

Куда занесло? Нужно оглядеться.

Не успел. Из-за валуна выскочило что-то огромное, страшное – и словно паяльник раскалённый сунули в живот. Секунда, другая – и не стало Коляна. Тарантулу всё равно, гусеница, так гусеница, жучок, так жучок, а если человек попадётся, можно и человечка съесть, главное, чтобы маленьким был, с мураша.

Серый же, видя, что Колян исчез в канавке, подошёл и исчез, точно как сказывали, приближаться к опасному месту не стал. Задом сдал машину на двадцать метров, и только затем развернулся и погнал назад, в Семилетовку, где должен был доложиться самому Золотому, городскому авторитету.

1

Неделя выдалась непростой.

В понедельник со мной решительно рассталась Ольга. Во вторник мне объявили, что продолжить тернистую дорогу к знаниям я смогу только на платной основе. В среду меня разыскал представитель адвокатской конторы “Николаев и сыновья” и объявил, что ему поручено ввести меня в права наследования. Умер мой дядя, оставив по завещанию всё имущество мне.

По порядку. С Ольгой я был, как принято называть, “в отношениях” полтора года. С середины первого курса. Сейчас она уезжает в Финляндию, а я нет. Вот и повод, вот и причина расставания. Родители Ольги – “средний класс” нашего города, скорее, его сливки. Отец – успешный адвокат, мать – депутат областной думы. Срок депутатства у матери истекает осенью и, хотя она наверное стала бы депутатом и на следующий срок, но решила, что пришло время сменить обстановку (решает в семье Ольги мать). За год они продали три магазина, три квартиры, зубоврачебную клинику, детский сад, хорошую дачу и много того, о чем я и не знаю. Ольга говорит, что ей ещё не поздно получить приличное образование, а в нашем Чернозёмске как ни учись, чернозёмцем и останешься.

Я не спорил. О чем тут спорить. У Ольги бабушка нату-

ральная финка – это раз, сама она читает финские газеты и смотрит финские фильмы без субтитров, это два, капитал её родителей, полагаю, несколько миллионов евро – это три.

Ну, а я? Нет, попасть в Финляндию дело не невозможное. Нелегкое да, но кто боится трудностей? Дело в другом: не хочу я в Финляндию. Страна хорошая, так их много, хороших. И потом, я уверен – в Финляндии нам будет не до отношений. Я стану искать работу, найдя – работать всерьёз, я халтуры не люблю, да и финны тоже. Она же будет учиться в университете, общаясь преимущественно с обеспеченной молодежью. Даже не из-за денег как таковых, а просто само собой получится. Базис надстройку определяет. Куда пойдём гулять? В “Гассарап”. А то, что поход в этот клуб равен трёхдневному заработку рабочего-эмигранта (и хорошо, если трёхдневному), то это дело рабочего-эмигранта.

Да никто меня в Финляндию за собой и не звал, если честно. Пробел. Точку не ставлю – жизнь из всякой точки способна сделать запятую. Но вряд ли.

Второе. Учусь я разное. Предметы нужные и интересные знаю хорошо. Остальные – удовлетворительно. Не первый, не последний. Медная середина, что не так и дурно, поскольку золото в наших палестинах преимущественно самоварное.

В связи с оптимизацией университета решено на моём факультете десять бюджетных мест перепрофилировать в платные. Нужно спасти альма-матер финансово. И выбрали тех,

кто должен спасать. Почему я попал в их число – не знаю. Тёмны и мутны решения университетского начальства. Может, возраст мой смущает – двадцать семь лет, для второкурсника многовато. Может, отсутствие авторитетных родителей – у меня с пятнадцати лет их вовсе нет, родителей, ни авторитетных, никаких. Может, просто жребий бросили, выбрали людей, среди которых можно бросать жребий, и бросили.

Переходить на платное обучение я не хотел. С деньгами я бы выкрутился, стой оно, обучение, этих денег. Но тут Ольга права: наш университет – провинциальный в плохом смысле слова. Попахивает, как барак, который давно бы пора сломать, да руки всё не доходят. Учёных с мировым именем нет, учёных с всероссийским именем тоже нет, зато учёных с областными именами – династии. Все друг другу сыновья, племянники, невестки. И все хотят хорошо жить, ведь они этого достойны. Потому зачёт – готовь деньги, экзамен – готовь деньги. Это и называют бесплатным обучением. Требуют обыкновенно не с человека, а с группы. Соберите определённую сумму, и всё пройдёт гладко, без проблем. При такой системе отказаться – пойти против пусть не обязательно товарищей, но сокурсников непременно. С теми, с кем в одной группе учишься. Тут даже заядлые отличники кряхтели, а деньги сдавали. Боялись остракизма. Я отличником не был, остракизма не боялся, денег не давал. Полюбите нас чёрненькими. А группа, что группа. Передайте преподава-

телям, что Иван Петрович Триаршинов платить не стал. А встретите государя императора, передайте и государю императору, что так, мол, и так, а только Иван Петрович Триаршинов платить не стал. Ему за фамилию обидно.

Потому от меня университету никакой прибыли. Вот и вычеркнули. Ничего личного, только бизнес.

Я и сам планировал уходить. Реальных знаний университет даёт мало, выпускники работают, где придётся. Окна пластиковые продают, страховым делом занимаются, в ростовщических конторах чужие деньги чужим людям втюхивают. Я нарочно выборку сделал весной. Взял список выпускников факультета за позапрошлый год и потратил несколько часов внеучебного времени.

Тех, кто уехал из города, я, конечно, не искал (а уехала треть), но из оставшихся по специальности работает что-то около пяти. Около – поскольку двое из них в декретном отпуске. Нет нужды в биологах в нашем славном Чернозёмске. Даже в школах. Старых учителей выгонять приходится, куда уж новых-то брать.

Почему вообще поступил на биофак, да ещё в Чернозёмске? Потому что на биофаке работал профессор Рукавишников. Исключение из правил. Учёный с всероссийским именем. Я хотел разобраться в некоторых интересных для меня вещах, и считал, что Рукавишников мне поможет. Не могу сказать, что ошибся полностью. Целый год я учился у профессора Рукавишникова, тот вцепился в меня – интерес-

ный-де случай, я вцепился в него, так и жили. Но Рукавишникову зимой исполнилось семьдесят четыре года, намекнули, что пора на покой, освободить дорогу молодёжи (невестке вице-мэра, если расставлять точки над ё). И он уехал к внуку. В Великобританию. Мы с ним переписываемся, но ради переписки учиться в нашем университете не обязательно. К тому же то, что мне нужно было выяснить, я выяснил: российская наука ещё далека от решения моей проблемы. Проблем много, учёных мало, денег вовсе нет. Разве что где-нибудь в тридевятые годы появятся. Но вы держитесь.

Потому я решил годик побыть вне местного университета. Даже два или три. Сколько потребуется. А там можно будет и продолжить учёбу. В МГУ, к примеру. И я стал думать, чем заняться сейчас. Можно было отправиться в Москву, можно – в Санкт-Петербург, армейские друзья звали. Можно было на Каспий – тоже звали. Можно было заявиться куда-нибудь незваным, да вот хотя бы в Крым, охранником или офицером. Опыт есть, и неплохой опыт.

Но я решил три дня подумать.

Хватило и одного: в среду ко мне пришёл Александр Николаев, младший партнер юридической фирмы “Николаев и сыновья”, и сообщил, что мой дядя умер, и я его единственный наследник. А его, Александра Николаева, задача – ввести меня в права наследования.

Чувствовал себя юрист в “однушке”, что я снимал, не вполне уютно (в ней даже тараканы чувствовали себя не

вполне уютно, потому и разбежались ещё год назад), но я не суетился. Усадил его на чистый стул, загородил кровать ширмой, китайской, но в японском стиле, почистил зубы, причёсался, оделся в костюм номер два, и лишь затем спросил, о каком наследстве, собственно, идёт речь, и в чем заключается процесс введения в права наследования.

Дядю моего, Федора Федоровича Анкундинова, я видел лишь однажды, четырнадцать лет назад, на свадьбе у тётушки, чьё имя останется неупомянутым. Перекинулся с дядей парой фраз, мать меня одёрнула, отчего-то дядя ей не нравился, и больше я с ним не разговаривал, а потом и не виделся. После гибели родителей родственники поделились на тех, которые приняли во мне участие (таких оказалось немного), и тех, кого я не интересовал. К последним отнесся и Федор Федорович Анкундинов. Разумеется, я ответил симметрично: с первыми поддерживал и поддерживаю отношения, о вторых не вспоминаю. Впрочем, дядюшкой мне Анкундинов был весьма далёким: с моим отцом они были троюродными братьями, следовательно, общими у нас с ним была моя прапрабабка, о которой мне ничего не известно. Откуда? Родители погибли, а родственники такой не помнят. Кто у нас помнит чужую прапрабабку, родившуюся, поди, в девятнадцатом веке?

Введение в наследство, сказал адвокат, штука непростая, небыстрая и ответственная, но фирма “Николаев и сыновья” проделала, согласно воле завещателя, необходимую работу

полностью, и всё, что мне остаётся – подписать некоторые документы сейчас, а другие – попозже.

Документы хранились в настоящем кожаном портфеле, которые только у адвокатов и нотариусов, похоже, и остались.

Я стал читать. Завещание, запросы, постановления суда, решение суда... В законах наследования я разбираюсь немногим больше, чем любой гражданин России, но уж очень немногим. Потому перешёл к заключительной части: мне причитается участок земли площадью сто шестьдесят две тысячи шестьсот квадратных метров расположенный на территории Кунгуевского сельсовета Семилетовском районе Чернозёмской области со всеми строениями, расположенными на нём, а также движимым и недвижимым имуществом, как упомянутом в отдельном списке, так и неупомянутом, но находящемся на указанной земле и в строениях. План участка. Схематические чертежи строений. Список движимого и недвижимого имущества – три стандартных машинописных листа, начиналось со «стола дубового письменного, двутумбового», и ещё разные бумаги технического характера, которые смотреть сейчас, как заверил Александр Николаев, нет нужды, но они могут пригодиться в будущем. После чего передал два ключа. Один от ворот, другой от дома. А остальные ключи должны быть внутри дома, как лично его отцу, Николаеву-старшему, при составлении завещания сказал Федор Федорович Анкундинов. Верно, неупомянутое в списке дви-

жимого и недвижимого имущества.

Потом мы несколько раз расписались в положенных местах, указывая дату – пятнадцатое августа две тысячи семнадцатого. Адвокат писал золотой перьевой ручкой, я – простенькой гелевой. После чего адвокат часть бумаг вернул в портфель (“они будут храниться в адвокатской конторе до вашего распоряжения”) а часть отдал мне, посоветовав хранить документы аккуратно и в надёжном месте, при этом ненавязчиво дав понять, что в этой комнате надежных мест маловато.

Я для приличия спросил, когда и как умер дядюшка и где похоронен. Николаев-младший для приличия ответил, что дядюшка скоропостижно скончался от остановки сердца минувшей зимой, по завещанию был кремирован, а результат кремирования, опять же по завещательному распоряжению, передан в утилитарий крематория. Говоря проще, это невостребованный прах, который, согласно воле покойного, стал обыкновенным мусором, и потому с ним и поступают соответственно.

Я понял, что пора расставаться. Адвокат понял, что я понял, встал, дал мне визитку (хотя реквизиты фирмы присутствовали на множестве оставленных документов) и сказал, чтобы я при затруднениях обращался именно к ним, поскольку завещатель оплатил заранее юридическое сопровождение на неопределенный срок. Насколько неопределенный, спросил я. Для вас – пожизненно, ответил адвокат. Взял

портфель, надел шляпу и ушёл.

2

После смерти родителей меня принял к себе другой дядя, настоящий. Старший (и намного старший!) брат мамы. Не Федор Федорович Анкудинов, а Леонард Альбертович Кант. Сейчас он на пенсии, а тогда преподавал русский язык и литературу в коммерческой школе в одном из пригородов Санкт-Петербурга. Предмет знал и любил, особенно русскую литературу девятнадцатого века, говорил подчеркнуто правильно, а порой и вычурно, я даже начал перенимать его стиль, но вовремя остановился. Однако порой замечаю рецидивы.

В шестнадцать лет я поступил в профтехучилище, или, как говорили не поступавшие в него одноклассники, в чушок. Хотел выучиться на официанта, не хотел сидеть на дядиной шее. Никакого недовольствия с дядиной стороны я не чувствовал ни до, ни после поступления. В семнадцать, учась, подрабатывал боем, сиречь мальчиком на все руки, в безалкогольном кафе. Пройдя курс обучения с отличием, получил соответствующий документ, три месяца, скрепляя теорию практикой, проработал в хорошем месте (дядя похлопотал), – и пошёл отдавать долг Родине. По завершении срочной службы стал контрактником, и был уволен по окончании срока контракта. Служил я ни разу не официантом (хотя во время визитов высокого начальства приходилось

вспоминать гражданскую профессию). Внутренние войска. Чем только не занимаются внутренние войска! Но чем именно занималось подразделение, в котором я служил – сказать не могу. Не имею права. Ладно, намекну: помимо вполне полноценного солдатского питания (у нас не воровали), нам полагался недельный доппаёк: сто граммов горького шоколада настоящего, без соево-пальмовой лабуды, 25 пакетиков чая, опять же настоящего, без бергамота и мелиссы, две банки шпрот, опять же рижских, настоящих, пятьсот граммов сала, пять куриных яиц и хлеба вволю. Не помогла подсказка? Вот и славно. Кстати (вот и ещё намёк), несмотря на доппаёк, я в двадцать пять лет ушёл из армии с весом в семьдесят девять килограммов, что при росте метр восемьдесят девять босиком вполне простительно. Слишком упитанных в нашем подразделении вообще не было. Итак, демобилизовался, приехал в Чернозёмск, отнёс документы в приёмную комиссию, хочу стать биологом, а чтобы жить лучше и веселее – пошёл в ресторан по первой профессии, спасибо чушку. За два года заработал хорошую репутацию и у работодателей, и у клиентов, потому я не совсем уж стеснён в средствах. Но и от излишков не лопаюсь. Не живу в общежитии, а снимаю однушку – тоже понятно. Семь лет я провёл в казарме, хватит. Ещё у меня есть автомобиль, патриотическая “шестерка”, старенькая, но держится. Как то колесо, что до Москвы доедет, а до Канзаса вряд ли.

И потому наследство мне кстати.

Но увы. Так как в завещании я был указан единственным наследником, а о деньгах не было сказано ни слова, логично предположить, что их, денег, просто нет. Дубовый стол с двумя тумбами, штука, конечно, хорошая, но куда я его поставлю? Да я и не писатель, не учёный, мне хватает компьютерного столика, что в уголке комнаты.

Сельский дом? Шестнадцать гектаров земли?

Шестнадцать гектаров земли – это то, что нужно для загородного дома. Не пятнадцать соток, а именно шестнадцать гектаров. Не для товарного производства, а для отдыха. Жизни.

Я не раз был в усадьбах, расположенных на подобных участках. В качестве официанта, разумеется: вечеринки, свадьбы, праздники по поводу назначений, наград и тому подобное. Если хочется провести праздник без посторонних, это дешевле, чем выкупать целиком ресторан, а если погода хорошая – то и приятнее. Слушая откровенные разговоры (официанта, особенно после третьей рюмки, как правило, не стесняются, он, официант, становится человеком-невидимкой и скатертью-самобранкой одновременно), знал, что порой эти гектары получены за очень смешные деньги. Сейчас, конечно, за смешные не купишь, особенно если ты власти посторонний, но не всякий участок в цене. Нужно, чтобы он, участок, был не слишком далеко от губернского города, в живописном месте, с рекой или озером под боком. Но Семилетовский район даже для нашей провинции несусветная

глушь. А уж Кунгуевский сельсовет и вовсе дыра в дыре.

На часах полдень. Я открыл ноутбук, вывел карту, посмотрел. Гугль говорил, что Кунгуевка в двухстах километрах от моего дома по оптимальному маршруту. А моё наследство в семи верстах от Кунгуевки. На спутниковом снимке там лесостепь, и какие-то строения. Копия трёхверстки, что мне дал адвокат, рядом с Кунгуевкой показывает “отдельно стоящие строения”, для верности обведенные красным кружком.

Двести километров с хвостиком – три, а с учетом езды по городу, и все четыре часа езды. Сегодня поздно, сегодня я работаю. В ресторане “Трактир на Пятницкой”, куда устроился по протекции армейского товарища – его двоюродный брат был владельцем ресторана.

И я пошёл работать. Кончил к двум ночи, а к трём уже спал на своём диване.

Встал в восемь утра. Что делать? Нужно забирать документы из университета, но это может подождать. Лучше съездить, посмотреть на наследство.

К полудню доеду. Часов пять проведу там – ну, если потребуется. Успею обернуться.

Я сложил документы в сумку ноутбука, туда же втиснул сам ноутбук, и отправился в путешествие.

До Семилетовки, посёлка городского типа с населением в шесть тысяч человек, я доехал за два с половиной часа. Заправил двадцать литров в бак, сориентировался по карте, и поехал в село Кунгуевку. Ещё двадцать пять километров,

сорок минут времени – я редко спешу в дороге. Небо пасмурное, но не грозовое. Светло-серое. Поля подсолнечника, пшеницы, но частенько и бурьян. Немало пустующей земли вокруг Кунгуевки. Так что вряд ли она особо в цене.

Сверился с картой. На трёхверстке мои нечаянные владения по-прежнему находились в семи верстах от села и кружочек, обводящий “отдельно стоящие строения” тоже был на месте. Но хорошо бы справиться о направлении у знающего человека.

Магазин оказался закрытым, на двери бумажка: телефон продавщицы и призыв, кому нужно, звонить. Я достал телефон. Два деления. Бывает хуже. Но звонить не стал – мне требуется реальный человек, а не голос в устройстве. Напротив магазина почта, тоже закрыта. Посмотрел: работает во вторник и пятницу. А сегодня среда.

По дорожке к магазину подъехал на скутере паренёк лет пятнадцати. Скутер пегий, неопределенной породы. Паренек заглушил двигатель, вытащил мобильник и начал названивать. Верно, продавщице.

Я подошел к нему, дождался, пока тот кончит разговор.

– Не скажите, как проехать к дому Анкундинова Федора Федоровича?

Паренек осмотрел меня внимательно, явно запоминая. Ну да, чужак в деревне.

– Он умер, Анкундинов.

– Я знаю.

– Тогда зачем вам туда?

Решив, что таиться смысла нет, я признался, что наследник. Родственник, вот и наследник.

Паренёк тут же отвёл глаза в сторону.

– Ехать нетрудно, вот по этой по дороге, через рощу – он показал на грунтовку, под углом отходящую от главной Кунгуевской магистрали. – В роще будет развилка, свернуть направо. Прямо к воротам и приедете. Там ветряк, его издали видно.

Я поблагодарил и вернулся в машину.

Грунтовые дороги моей “шестерке” не в радость, но сейчас сухо, а семь верст – не околица.

Опять подсолнечник, опять бурьян, и вот она, роща. Роща знатная, иного леса стоит. По фронту от края до края, поперёк три километра по дороге. По прямой меньше, километра два, но кто же ездит в лесу по прямой. Пересёк рощу, свернув, как сказали, а как выехал, ветряк и увидел. Непростой, роторный, “волчок”. И дом.

Я проехал ещё километр, вокруг непаханая степь, и добрался до ворот имения – так я решил называть полученное наследство.

Ворота в имении были, а стены не было. Никакой. Ни стены, ни забора, ни живой изгороди. Смысл в воротах? Ах, нет, по периметру родовых владений шла канавка сантиметров тридцать глубиной, не больше, а шириной в полметра. С покатыми краями, поросшая травой, видно, канавке этой нема-

ло лет. Ничего непреодолимого, скорее, символ преграды. А ворота – символ входа. Въезда. Только, похоже, никто сюда не въезжал год. Или больше. Бурьян стоял перед воротами могучим и наглым гегемоном запустения.

Я подошел ближе – и с каждым шагом бурьян терялся, робел и мельчал, пока не исчез вовсе, открывая пусть и слабо-накатанную, но грунтовку.

Слышал я про такие фокусы...

Сами ворота выглядели обыкновенно. Железные, на железных столбиках. Однако заперты. Замочная скважина прикрыта язычком. Я вставил ключ, на удивление замок открылся легко, будто новенький. И ворота распахнулись без скипа.

Я въехал и остановился, решив закрыть ворота. Вроде бы и глупо, смысла никакого, да и сам я назад поеду скоро, а всё же – и закрыл, и запер. Путь будет, как было. А там посмотрим. Если ворота заперты, значит, это кому-нибудь нужно. С умом запирали.

Впереди белел дом. Теперь он мой. Два этажа с мезонином. Крыша, похоже, плоская, а мезонин круглый, на все четыре стороны. Причуда архитектора ли, заказчика, а, может, такой была мода.

По обе стороны от грунтовки по-прежнему лежала степь. Или лесостепь – слева высились дубы, стоявшие группкой, полторы дюжины деревьев. Не очень большие, но не сказать, чтобы маленькие. Внушают.

А дом на глазах становился выше и светлее. Первый и вто-

рой этажи – известняк, а мезонин деревянный, крашенный бежевой краской.

Я остановился, вышел, по-хозяйски осмотрелся. Портик на две колонны. По фасаду десять окон в ряд на первом этаже, и двенадцать – на втором. Разница – из-за парадного входа. На окнах и там и там – кованые решетки. Я не торопился, обошёл дом кругом. От левого крыла отходила крытая галерея, ведущая к небольшому строению метрах в двадцати. С тыльной стороны есть терраса, крытая зелёным стеклом, сквозь которое в ясный день светило солнце. А тут как раз прояснилось. Получалось как в аквариуме. Только рыб нет. С террасы вниз вели каменные ступени. В торце правого крыла дома ещё один ход, верно, чёрный. Дом и видом, и работой говорил, что это не новострой, а почтенное дворянское гнездо. Девятнадцатый век, скорее, первая половина. Приличное жилище помещика средней руки, владеющего тремя, а то и четырьмя сотнями душ. Конечно, приходилось видеть дома куда больше, с вертолётной площадкой, двадцатипятиметровым бассейном и сторожевой башней, дома, окружённые трёхметровым забором плюс колючая проволока поверху, но выглядело то не вполне естественно. Как парик на лысине. Возможно, синдром зелёного винограда.

А теперь и у меня неожиданно объявился виноградник. Буквально. Метрах в пятидесяти от дома. На глазок – сотни четыре. А ещё на моей (моей!) земле стоял двухэтажный фли-

гель метров в восемьдесят на этаж, и разные постройки неясного пока назначения. Курятник уж точно есть. Слышно. Ну, и ветряк, само собой. Ветрогенератор. В двухстах метрах от усадьбы. Не такой, как в Европах, поменьше, и с виду попроще. Метров пятнадцать высотой. Лопасты вращались тихо, небыстро, так и ветер слабый.

Кто же за этим всем следит? Тот, кто живёт во флигеле? А кто же там живёт?

Признаться, я был ошеломлён. Чего я ждал? В лучшем случае – того самого флигеля на восемьдесят метров, много на сто. А тут...

Хотя следует ещё посмотреть, что – тут. Стол дубовый письменный...

Дверь тоже была дубовая, плюс три кованые полосы поперёк. Ключ и сейчас провернулся гладко. А она толстая, дверь. С добрый вершок. Над дверью полукруглое световое окошко, а выше, во втором этаже – крохотный балкончик.

Через маленький тамбур я прошёл в просторный вестибюль. Света из окон – два справа, два слева – достаточно. Просторный вестибюль. Пол мозаичный, шахматный. Мрамор. По правую руку лестница средней ширины дугой шла на второй этаж. Мраморная же, с перилами, с ковром на медных прутьях. И другая лестница – вниз, в подвал, опять же дугой, но уже по левую руку. И без ковра.

Из вестибюля – три двери. Направо – паркетный зал на шесть окон. Метров шестьдесят, удобно приёмы устраивать.

Сельские радости, для соседей-помещиков. Наверху балкончик для деревенского оркестра на четыре смычка. Из всей мебели – две люстры на высоком, пятиметровом потолке и две дюжины стульев вдоль стен. Стулья непростые, как бы не мастера Гамбса, под бриллианты. Нигде ни пылинки.

Направо – столовая. Большой стол, за которым спокойно усядутся две дюжины гостей, а в тесноте – так и две с половиной. И те же стулья с гнутыми ножками и спинками, и опять две люстры. Всё. И здесь ни пылинки, я специально провёл по столу пальцем.

Третья дверь вела в коридор, что тянулся от окошка в левом торце до двери в правом. Довольно тусклый коридор. Из него четыре двери. Одна – в залу на три окна. В зале – бильярдный стол, по стенам стулья, тумбочки со статуэтками, и картины. Вторая – охотничий зал, она же курительная. Опять три окна. На стенах ковры, а на коврах ружья, по виду даже и фитильные, пики, сабли, пистолеты. Я присмотрелся – неужто ковры дырявили? Нет, все на цепочках, а гвозди, держащие цепочки, поверху. Видно, мода такая была. Над дверью кабанья голова, меж окон – волчья и оленья. Шкаф, за дымчатым стеклом угадывались всевозможные бутылки, стаканы и чаши. Особливая полка для трубок – от коротеньких носогреек до длинных, с аршинными чубуками. Выход на террасу, дверь дубовая, заперта.

Третья комната – кабинет. Два окна, стол о две тумбы, жесткое кресло, напротив – пара кресел мягких. Диван.

Стеллажи под потолок, а потолок высоченный. Стремянка на колесиках. Отдельно два дубовых шкафа, нижняя часть – сплошное дерево, верхняя – непрозрачное стекло, похоже, на свинцовой паутине.

Я хотел было примериться к креслу, но воздержался. Ещё не всё осмотрено. Ещё ничего, по сути, не осмотрено.

Четвёртая дверь вела в ванную комнату, просторную, с мраморным полом. Душевая кабина, биде, унитаз. И ванна большая, на львиных лапах.

Поднялся на второй этаж. Комнаты по обе стороны коридора, из них обжита одна, спальня. Остальные тоже – спальни, детская (веселенькие обои, маленькая мебель), дамский кабинет, музыкальный салон с роялем фирмы «Блютнер» и дюжина полукресел, верно, для слушателей...

Сама же лестница вела ещё выше, в мезонин.

В мезонин я подниматься не стал. Погожу. Утомился. Трудно вот так охватить всё богатство разом. Непривычно. После хрущевской однушки. Где-то триста метров этаж. Два этажа, стало быть, шестьсот. Да мезонин. Да ещё в подвал дверь уходит. Да ещё строения всякие – флигель, то, сё.

Нет, я конечно, знал, что тысяча метров для областного чиновника не предел, и две тысячи встречаются, и три. Опять же олигархи... Но от дяди я этого не ожидал. В моём смутном представлении, основанном на косвенных репликах родителей, он был человеком ненадёжным. То ли артистом бродячего цирка, то ли искателем метеоритов, то ли вовсе

страховым агентом. И да, любил выпить, жён у него было во множестве, и все без регистрации, якшался со всякими сомнительными типами, в общем, лучше от него держаться подальше, а то оглянуться не успеешь, как втянет в авантюру, из которой выйдешь без штанов. Почему родители так думали, не знаю, теперь не спросишь. Но дом был внушительный. Одни стены в шестьдесят сантиметров толщиной, я прикинул. А внутри, между комнатами – по тридцать. Это вам не хлипкий гипсокартон американских коттеджей, которые я видел в кино. Там, в кино, эти стены пробивают кувалдой, молотком или просто кулаком.

Я зашёл в кабинет и сел за дубовый стол. О двух тумбах и с матовой столешницей.

Хороший стол, и дуб, похоже, не просто дуб, а морёный.

Я потянул на себя центральный ящик. Открылся легко, без скрипа. В нём – самовзводный револьвер неизвестной мне конструкции, отдельно поясная кобура. Удостоверение в кожаной обложке дремучего вида. Книга-ежедневник в кожаном, но уже новом переплете. Механический карандаш. Резинка, чтобы стирать, если что не так написал.

Первым делом я взялся за револьвер. Небольшой. В барабане патроны числом шесть. Похоже, не игрушка.

Ежедневник чист. Пиши жизнь сначала. Удостоверение удивило. “Министерство государственной безопасности СССР. Бессрочное удостоверение номер 2/11 на предъявителя. Даёт право на владение и применение любого вида ору-

зия. При необходимости звонить по телефону Москва 2 – 17 – 14”. Печать и подпись – закорючка, а отдельно, печатными буквами “Абакумов В.С.”, причем не типографская печать, а машинопись. Раритет. Или фейк.

Открыл правую тумбу. Четыре выдвижных ящика. В первом – деньги, и много денег. Десять пачек пятитысячных купюр в банковской упаковке по сто штук. Стало быть, пять миллионов. Ещё десять – тысячными купюрами, на размен. Считай, миллион. Доллары – десять пачек по десять тысяч в каждой. И то же с евро. Однако. Удивляли и суммы – всего около двадцати миллионов в переводе на рубли, и что они лежали не в сейфе, замаскированном неведь где, а в столе, не запертом даже на ключик – хотя замочки были. Ну да, в замаскированном сейфе я бы их и не нашёл, а так – бери, пользуйся. Ай да дядюшка, ай да благодетель!

Мдя... Если деньги не фальшивые (я, вскрыв банковскую бандероль, вынул несколько купюр из серединки, на ощупь и вид настоящие, но я не эксперт), я становлюсь богатым человеком. Не по меркам чиновников, депутатов и прочих изблюбленных людей, там счет на миллиарды, а по студенческим.

Да и револьвер вот так запросто – не перебор ли? Может, мой покойный дядя всё-таки был тайным депутатом? Пишут, средняя взятка депутату нынче миллион, а именным оружием их награждают, чтобы поспокойнее было. Спокойствие, конечно, мнимое, так у населения и такого нет.

На револьвере, однако, никакой гравировки типа “тов. Анкундинову за беспорочную службу” не было. На нём вообще ничего не было – ни марки производителя, ни серийного номера, ни даже царапин. Будто вчера доставлен из тайной мастерской НКВД.

Я пошарил в глубине ящика. Две коробочки револьверных патронов по тридцать шесть штук в каждой. Калибра шесть с половиной миллиметров.

Я аккуратно положил всё обратно в ящик. До времени.

Начал обследовать другие ящики – и не нашёл ничего. В левой тумбе тоже ничего. Только ключи. Три связки. В верхнем выдвижном ящике. На ключах ярлычки с чёткими надписями. Одна связка – ключи от дома, от комнат, которые можно, буде в том нужда, закрыть и открыть. Другая – ключи хозяйственные – от гаража, от амбара, от кухни и прочего. Оказывается, тут внешняя кухня. Ну да, соединенная галереей. Оно хорошо, запахи не смущают. Третьи ключики небольшие. От стола, от шкафов, от сундуков. Так и на ярлычке: сундук А, сундук Б, Сундуки В-Е (одни ключ на все). И так далее. Могучая связка маленьких ключиков.

Три сундучка стояли прямо в кабинете. В углах. Ничего необычного, сундуки теперь встречаются в лучших домах. Винтажности ради.

В сундучке по правую от стола руку, довольно пиратского вида, оказались золотые монеты. Самые разные. Александровские червонцы, Николаевские червонцы, советские “се-

атели”, крюгерранды, гиней и даже совсем мне неизвестные, с пятиконечными звездами, весьма похожими на морские. Я хотел погрузить руки по локоть, но они не погружались. Плотно лежали монеты, не пускали. Золотой закон Архимеда. Тогда я набрал их в пригоршню и пустил между пальцами обратно в сундук. Прикинул: монет здесь килограммов на восемьдесят будет, если не на все сто. Увесистый сундучок. Деньги в роли сокровищ. Три тысячи тройских унций – это уже капитал. Закрыв сундук запер замочек “от своих” – любой вор подденет ломиком, и готово, но меня почти не удивило ни золото, ни отсутствие мер предосторожности. Вернее, я считал, что они, меры, есть, и вполне эффективны, раз уж золото и бумажные деньги не украдены. Просто я о мерах пока не знаю. Ну, а сумма, что сумма... Вот у водителя нашего губернатора дома нашли то ли двести, то ли сто миллионов рублей в мешках для мусора (сначала нашли двести, потом оказалось сто), так то водитель губернатора! А разве редки новости, что, мол, у безработного на улице грабители отняли сумку с миллионом евро? И это здесь, в провинции, а в Москве суммы побольше.

Ладно, сначала я стал богатым, а спустя несколько минут очень богатым. Как водитель губернатора.

Догадываюсь, почему деньги не указаны в завещании: во-первых, источник их может быть небезупречным, во-вторых, государство обложит налогом. А дядя, похоже, государство кормить не собирался. Не в его стиле. Хотя что я знаю о его

стиле?

Другие сундуки отложил на потом. Вдруг и там золото, тогда недолго и лопнуть от богатства.

Подошёл к шкафу, тоже старинному, немецкой работы – или венской, или английской, уж не знаю, ни разу не знаток, просто мебель выглядела и добротно, и стильно. В музеях такая стоит, но в музеях не прислоняться, не садиться, не касаться. А тут – вполне действующая мебель. Сейчас такую на местной мебельной фабрике под угрозой расстреливания не сделают – не сумеют.

Открыл. За непрозрачным стеклом нашёл коллекцию восковых фигурок, выполненных с большим изяществом. Маленькие копии с больших людей. Стояли на крохотных постаментах. А ещё – заготовки фигурок, без лиц. Главное же – иголки. Золотые, стальные, костяные.

Ай да дядя...

Походил, глядячи на комод, но открывать не стал. Тут свежая голова требуется, а я немного утомился.

Я вышел на крыльцо. Подышать и подумать. На просторе думается яснее, и видно дальше. Правда, и сам на виду, но сейчас, судя по всему, бояться некого.

3

И тут дверь флигеля открылась, из него вышли двое и направились ко мне. Мужчина и женщина. Оба лет пятидесяти. На обоих – полевая офицерская форма, мужская и женская соответственно. Но без погон.

Ну-ну.

Шли неспешно, но и не мешкая. По-деловому шли. И дошли быстро, сколько тут идти, метров пятьдесят.

– Добро пожаловать, Иван Петрович, – сказал мужчина.

– Нам бы у ворот вас встретить, но решили – вам сначала осмотреться нужно – сказала женщина.

– Мы у вашего дяди, Федора Федоровича, служим, – пояснил мужчина.

– Двадцать восемь лет уже, – добавила женщина.

– Ну, и у вас будем служить, если не прогоните, – сказал мужчина, но так сказал, что ясно стало: прогнать их захочет только совсем уж глупый человек.

– Откуда вы меня знаете? – первый вопрос я задал простой и естественный.

– Дядюшка ваш, Федор Федорович, много о вас рассказывал. И фотографии показывал, и видео, – сказал мужчина.

– И мы свидетели завещания, – добавила женщина.

– То есть Войкович Владимир Васильевич и Яцукевнова Анна Егоровна, – блеснул памятью и я, вспомнив завещание.

– Точно так. Я – Владимир, она – Анна, – сказал очевидное мужчине. Странно, если бы было наоборот. Хотя нынче всякое бывает.

– В чём же заключается ваша служба? – задал я второй вопрос.

– Занимаемся хозяйством. Дом, животные, растения – всё на нас, – сказала Анна.

– Животные? Растения?

– Куры, гуси, три козы, ещё кролики. Небольшой виноградник, небольшой огород. Натуральное хозяйство. Квазинатуральное, конечно, кое-что приходится закупать. Муку, растительное масло, рыбу... – просветил меня Владимир Васильевич.

– Простите, вы учитель? – рискнул перебить я.

– Да, после университета я пять лет год в год проработал учителем, – подтвердил Войкович, ничуть не удивясь моей проницательности.

– Пойду, стол накрою, – сказала Анна, – а то вы, хозяин, верно проголодались. Мы не знали, когда вы приедете, так что не обессудьте, обед будет простой.

– А мы пока осмотрим нашу ветростанцию, если хозяин не возражает. И вообще осмотримся.

– Зовите меня Иваном, – попросил я.

– Будет неловко. Особенно для нас.

– Тогда Иваном Петровичем.

– Это можно, – и мы пошли к постройке метрах в ста от

усадьбы.

– Много работы? – спросил я учителя.

– Немало, но если делать её планомерно и равномерно, то не труднее, чем в колхозе, на заводе и даже в школе.

– А почему вы...

– Почему я из учителя стал слугой?

– Ну... – я сделал вид, что смутился.

– Слугой, ничего плохого в этом слове нет. Служить Родине – почётная обязанность, почему бы не служить и человеку?

Я не нашёл, что сказать. Да и не искал. Собственно, я ведь и сам официант в свободное от учёбы время. Не исключаю, что Войкович об этом знает.

– Усадьба построена в начале восемнадцатого века графом Карагаевым, героем Бородинского сражения. Но в Эрмитаже, в зале славы войны двенадцатого года, портрета Карагаева нет: генерал оказался в числе заговорщиков, принадлежал к Южному обществу. Однако в Сибирь не попал. То ли не хватило доказательств, то ли Карагаев искренне раскаялся, неизвестно, в документах следственной комиссии отмечено, что соответствующие листы изъяты по приказанию императора. Опальный генерал не был лишен званий и наград, ему лишь предписали не покидать имения, что было несомненной милостью. Он и занялся виноградарством, в лучшие годы имение продавало до ста тысяч бутылок игристого вина. Потомки графа тоже придерживались либеральных

взглядов, переписывались с Некрасовым, но главное – с декабря шестнадцатого года вплоть до февральской революции здесь восстанавливал здоровье Иосиф Сталин, бежавший из туруханской ссылки.

По этой, или по какой другой причине имение уцелело. В доме завели коммуны для беспризорников, но коммуны очень строгую. А в тридцать седьмом году, к двадцатилетию Октября, решили устроить здесь музей революционного движения. Директором назначили молодого даже по революционным меркам Владимира Тукмаркова, сына местной крестьянки. Молва считала, что отцом был Сталин. Вернули уцелевшую мебель, провели ремонт, но дальше случилась война, восстановление, борьба с космополитами. Не до процветания. После смерти Сталина музей жил ни шатко, ни валко – слишком далеко оказался от магистральных путей. В начале девяностых его лишили жалкого финансирования и статуса “памятника истории”, выставили на продажу за совсем небольшие деньги, под конкретного покупателя. Им был местный крёстный отец, депутат и губернатор, но прежде, чем оформить сделку, он отлучился по неотложной надобности в столицу, где его и застрелили прямо у входа в бордель. Нашёлся другой покупатель, тоже из миллионеров во власти, но внезапно исчез. Выехал из дому и исчез. Автомобиль нашли, коллекционный “Роллс-Ройс”, а хозяина – нет. Вот тогда ваш дядя и стал владельцем и дома, и прилегающих гектаров. Никто покупку не перебил, всем было ин-

тересно, что из этого получится.

Мы шли неторопливо, и Войкович, убедясь, что его слушают, продолжил:

– Усадьба стоит на меловой породе. На глубине в сорок метров мел практически сплошной, и он подступает к самой поверхности. Плодородный слой почвы тонкий, распашке не подлежит, это не метровые чернозёмы. Для огородных нужд сюда завезено пятьсот тонн чернозёма, размещенных на площади в двадцать пять соток.

Из-за особенностей породы здесь особый микроклимат: земля легко нагревается, воздух идёт вверх, разгоняя ненастье, и потому над усадьбой почти всегда ясно.

Мы подошли к ветряку.

– Ветродвижитель конструкции Прянишникова, изготовлен в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. Предназначался для отдалённых гарнизонов. Фёдор Фёдорович его в таком гарнизоне и отыскал, в Туркмении. Максимальная мощность пятнадцать киловатт, практическая – семь-восемь.

– Работает?

– Электронику мы обновили, аккумуляторы, инвертор. А механика – ту на страх делали. Плюс комплект запасных частей – подшипники, лопасти. Думаю, механика сто лет работает. Или двести.

– Я что-то не заметил в доме ни розеток, ни лампочек.

– А их нет. Чтобы не нарушать дух времени. Фёдор Фёдо-

рович предпочитал дом держать отключённым. Электричество мешает эффективно мыслить.

– Что, впотьмах жил?

– У него отличное... было отличное ночное зрение. А для бытовых нужд обходился свечами и керосиновыми лампами.

– Керосиновыми? А фонарики хотя бы есть?

– Найдем. Я принесу их к вечеру.

Мы зашли в небольшую пристройку рядом с ветряком.

– Вот здесь аккумуляторы, вот распределительный щиток, затем кабели идут в курятник, крольчатник, гараж, на кухню, во флигель... Опять же культиваторы электрические, на аккумуляторах. Мы потихоньку огородничаем,. Чуть-чуть, чтобы своё есть.

– Натуральное? – подсказал я.

– Скорее, местное. Человек состоит из того, что он ест. А если в Чернозёмске питаться, к примеру, аргентинским мясом и египетским картофелем, получится дисгармония.

Мы вышли из распределительной и пошли дальше.

– А вода? Как тут с водой?

– Летом за месяц выпадает тридцать миллиметров осадков. Это здесь, в пределах усадьбы. Тридцать литров на квадратный метр. Площадь крыши над домом триста метров, выходит девять тонн. Собирается в особые цистерны, там фильтруется и используется для всяких нужд. Потери при сборе не превышают десяти процентов. Подобные же сборники на всех службах. Если не хватает – заказываем артезианскую

воду в соседнем посёлке. И, конечно, есть запас воды в бассейне, шестьдесят кубов. На всякий пожарный.

Вот, а я плакался, что бассейна нет. Вон он, бассейн изумрудного города. Зеленым был стеклянный купол над бассейном. Сам он, бассейн, не двадцатипятиметровый, даже не десяти. Метров шесть в диаметре. И накрыт стеклянным шатром со стеклянными же стенами – чтобы пыль не попала или, скорее, чтобы сам бассейн не испарялся. В воздухе сушь.

– Это наш, вернее, ваш бассейн. Архитектор Беркович, тысяча девятьсот девятый год. Северная половина глубиной в три с половиной метра, южная – метр двадцать пять. Мрамор, плюс дополнительная гидроизоляция. Если обойдете бассейн, увидите наш Кара-Бугаз, маленький заливчик, на пять кубов. Ничем не закрыт, потому испаряется довольно быстро.

– А зачем?

– Зачем испаряется?

– Нет, зачем он нужен?

– Птицам облегчение. Коршунам, филинам, мелочи всякой. Ближайшая речушка в шести верстах, а тут всё под крылом. Прилетай и пей. Спаиваем пернатых.

Я приоткрыл дверь шатра. Внутри было влажно и тепло. Ну да, парниковый эффект.

– Желаете поплавать?

– Возможно, потом. А сейчас покажите гараж.

В гараже стоял грузовичок-трехтонка, прицеп просто, прицепная цистерна чистая, с насосом (“тонна воды, мы из речки забираем”), прицепная цистерна грязная – (“выкачаем отходы фекального характера, тут двойная канализация, одна – душ, посуда, стирка и тому подобное, идёт после фильтрации в подземную реку, а вторая, фекальная, после биологической обработки – на поля к одному земледельцу, по договору, технические культуры удобряем”). Три легковых автомобиля – моя “шестерка” (“я взял на себя смелость загнать его под крышу”), и две “Нивы”, одна попроще (“Федор Федорович распорядился, что бы мы, я и Анна Егоровна, использовали её для всяких поездок”) другая – “Нива-Шевроле” (“пятнадцать тысяч пробега, на ней Федор Федорович ездил”)

Кроме того, в сторонке стоял мотоблок, тележка, навесные приспособления – “это для огорода”, и мотоцикл “Хонда” на сто двадцать пять кубиков (“практически необъезжен”, куплен по случаю”).

Сведения я запомнил, но усваивать не стал. Позже. После еды.

Накрыли мне в столовой. За огромным столом было неудобно. Нужно будет приказать поставить рядом столик поменьше. Или вообще подавать на террасе.

Прислуживал Войкович. Старался, но тонкостей не знал. Одно слово – учитель. Возможно, стоит ему дать два-три урока.

Еду на тележке дореволюционного вида подвозила Анна Егоровна.

Меню перечислять не буду. Простая здоровая вкусная еда. Местная.

После еды я отправился в кабинет, Войкович меня сопровождал. Я лег на диван и наказал разбудить меня ровно в восемнадцать ноль-ноль, после чего остался один.

Появилось время подумать.

Было о чём.

Начну с людей. Видно, дядя мой очень доверял этим людям, если вот так, запросто оставил в свободном доступе двадцать миллионов и сундук золота. Предположим, и Войкович, и Анна Егоровна были ему преданны, зависели от него, молились на него, но будут ли они преданны мне, будут ли зависеть от меня? С чего бы это вдруг? Или они просто кристально честные люди? Но сказано же: “не вводи во искушение”.

Второе. Нужно связаться с Коваленко, владельцем ресторана, и заявить об уходе. Глупо работать официантом, имея в своем распоряжении двадцать миллионов наличными и пять пудов золота или около того. Особых неудобств Коваленко мой уход не причинит: в ресторанном бизнесе, как и в стране в целом, растёт необходимость в оптимизации, сиречь сокращении штата. Я наверное знаю, что такое планировалось и в “Трактире на Пятницкой”, правда, сокращать собирались не меня, а начинающего официанта, некоего Куткова, парня

старательного, но моего уровня пока не достигшего. Что ж, ему повезёт – сократят меня, а его оставят.

Третье – нужно забрать документы из универа. Ну, это понятно. В связи с обстоятельствами непреодолимой силы.

Четвертое – отказаться от съёмной квартиры. Зачем мне снимать убогую, в общем-то, хрущёвку, если за четыре-пять миллионов в нашем Чернозёмске можно купить вполне приличную холостяцкую квартиру? Но останусь ли я в Чернозёмске? Не факт. Ладно, за квартиру уплачено на два месяца вперед, есть время.

Пятое. В принципе я даже могу отправиться в Финляндию. Денег теперь хватит, даже не учитывая золото, а как переправлять золото, я пока не знаю. Но опять – не хочется. Ну не финн я.

Далее о вещах. Если первый пункт из списка имущества, стол, оказался с таким сюрпризом, нужно внимательно осмотреть и другие вещи, причем делать это следует основательно, без спешки. И осмотреть само имение. Возможно, оно куда более ценное, чем я поначалу представил. Ведь и о письменном столе я думал, как о громоздкой вещи, не более, а оно как вышло...

А как оно вышло? Стол и сундук – это своего рода вариант камня на распутье. Хочешь – бери деньги, возвращайся в Чернозёмск и продолжай жить, как жил, с поправкой на миллионы. При умеренной рачительности, их хватит на то, чтобы и университет завершить, и устроить скромное сча-

стве. Но можно и остаться здесь, перед книгой с белыми листами. Писать свою судьбу. Наверняка подстерегают опасности, недаром же рядом с книгой револьвер, а там как напишется, так и будет.

Я задремал. Тут и недосып, и обед, а больше всего – покой. Тишина. На много вёрст кругом никого, кроме слуг, которых, как и положено господам, я отдельно от себя не считал.

Но проснулся по армейской привычке за минуту до назначенного срока, и встретил Войковича сидя.

– Извольте брать ванну? – спросил он.

– Изволю брать душ, – ответил я, памятуя о засушливости мест.

То, что смены белья я не захватил, помехой не оказалось. Дядюшка обо всем позаботился. Бельё, одежда разная – прогулочная, представительская, тренировочная, охотничья, туфли, берцы, кроссовки, кеды, перчатки, кепи, шляпы. Длиннополое пальто. Дублёнка. Шуба лисьего меха. Парка на гагачьем пуху. Целый чулан одежды. Гардероб.

– Всё по вашей фигуры подбиралось, у Анны Егоровны глаз-алмаз. А если что – поправит вмиг.

Поправлять ничего не пришлось, фигура у меня стандартная. Или, как пристало говорить барину, классическая. По совету Войковича, который явно ностальгировал по восьмидесятым, я выбрал джинсовый прикид. Не застиранно-дырявый, по сегодняшней провинциальной моде, а будто с иго-

лочки, наилучшего качества, в подобных костюмах знаменитые артисты или поэты советских времен выступали перед публикой на стадионах. Евтушенко или Высоцкий. Сам-то я тех выступлений не застал, конечно, я тогда даже не родился, но видел фотографии в старых журналах, которые читал за годы службы. По восемь раз каждый. Новых-то журналов не завозили, вот и читал, что было.

Освежённый и обновлённый, я поднялся в мезонин, надеюсь позвонить в Чернозёмск, но телефон показывал одно деление, да и то непостоянно, явится и растворится.

– Обыкновенно мы звоним по спутниковому телефону, хотя, признаться, ваш дядюшка не жаловал ни телефоны, ни интернет, считая их игрушками Большого Брата, – сказал сопровождавший меня Войкович.

– Что ж, позвоним по спутниковому, – сказал я.

– Могу я спросить, по какому делу?

Я рассказал.

– Возможно, вы предпочтёте поручить хлопоты “Николаеву и сыновьям”, им это привычно.

– Да, это проще, – согласился я. – Где же спутниковый телефон?

Он оказался в жестяной коробке, коробка завернута в освинцованную резину, и аккумулятор хранился отдельно. Паранойя, так паранойя.

Я вспомнил, что номер юридической конторы у меня где-то в бумагах, но искать не пришлось, номер был в памяти

телефона. Мне не пришлось даже раскрывать рот: Войкович и позвонил, и распорядился чрезвычайно дельно. И насчёт универа, и насчет ресторана, наказав непременно взять характеристику (это было моё пожелание, характеристика хорошего ресторана стоит дорогого, а что будет со мной послезавтра, я не знал), и насчёт предупредить хозяина квартиры, что через два месяца она будет свободна. Связь была громкая, и я слышал – “разумеется, сделаем. Что-нибудь ещё?”

Войкович посмотрел на меня, увидел, что ничего более пока не требуется, и закончил разговор.

– Кто обычно живёт в мезонине? – спросил я.

– Ваш дядя и живёт, то есть жил. Вид из окон ему нравился.

– Хорошо. Положим, дяде нужно было что-то вам поручить. Или просто позвать. Он что, кричал? Или звонил по спутниковому телефону?

– Не совсем. Он свистел в свисток. Свистнул один раз – нужен я. Свистнул дважды – Анна Егоровна. Частые свистки без счета – всех наверх! – и он протянул мне серебряный свисточек на цепочке. – Разумеется, свисток продезинфицирован.

Я дунул – и ничего не услышал.

– Инфразвук.

– Но как же вы слышите?

– Практика. Вы тоже научитесь. Если захотите.

– И далеко слышно?

– На двести шагов.

– А если дальше?

– Что ж, тогда можно протрубить в рог. Если отсюда, с балкона мезонина, слышно на пять километров, – и он показал мне на охотничий рог, висевший на стене.

– Не очень удобно, – заметил я.

– Вашего дядю устраивало. Разумеется, мы можем использовать рации, но Фёдор Федорович считал, что минутный разговор по рации действует на мозг, как рюмка самогона. Нарушает эффективность мышления.

– А если десять минут поговорить?

– Эффект не нарастает, – видно было, что Войкович сёрёзен.

– А как насчет шапочки из фольги?

– Этот дом в некотором роде и есть шапочка из фольги. Под штукатуркой – мелкаячеистая сеть, потому что электромагнитные волны внутрь практически не проникают. Единственное исключение – мезонин, если окна открыты, вот как сейчас. А закрыть ставни, та же клетка Фарадея.

– И не страшно – в мезонине с открытыми ставнями?

– Федор Федорович любил повторять, что не всякий свист в степи – пуля. Одно дело, когда высокочастотный источник приставлен прямо к голове, другое – если он в Кунгуевке. Или в космосе.

Я посмотрел вверх, на небо. Над усадьбой парил коршун.

– У нас есть крохотная дубрава, вы её, должно быть, виде-

ли. Там и гнездятся парочка коршунов, – пояснил Войкович.

– Цыплят не таскает?

– Цыплята и куры под сетью. Они, коршуны, больше по грызунам. В степи их много, грызунов.

– А филинов здесь случайно нет?

– Из соседней рощи прилетают, – невозмутимо ответил Войкович. – И воду попить, и поохотится.

Я начал уставать от его присутствия. Он, похоже, это уловил и сказал:

– С вашего позволения, я займусь по хозяйству. Постель вам приготовит Анна Егоровна и в спальне, и мезонине. Или есть другие пожелания?

Я заверил, что достаточно постелить в спальне. А других пожеланий пока нет.

И мы расстались.

Если и кабинет, и бильярдная напоминали музейную экспозицию из жизни помещиков-крепостников, то мезонин, скорее, представлял себе жилище прогрессивного советского писателя в представлении художника шестидесятых годов. Он, мезонин, круглый (причуда, но помещики и прогрессивные советские писатели позволяли себе причуды), делился на две полузалы. Северную половину и южную. Метров по тридцать в каждой половине. Или по тридцать пять, пи эр квадрат пополам.

Я был на южной стороне. Ход на круговую террасу опять же с крышей зелёного стекла. Полукруглые стены покрыты

панелями светлого дерева. Белые жалюзи на окнах – узких, по шести штук на полузалу, как часы на циферблате. Крепкие внутренние ставни. Золотистые портьеры на светло-желтых карнизах. На светлом письменном столе механическая пишущая машинка “Любава” белого корпуса. Полукресло перед столом, два стула рядом. Небольшой, на полторы сотни книг, стеллаж. Избранная русская классика – от Карамзина до Трифонова. И, конечно, хороший диван светлой кожи, диван, преобразующий обычную реальность в социалистическую. На особой подставке – скульптура. Хищная птица, похоже, орёл-ягнятник или халзан, распростёр крылья и, вытянув голову, смотрела строго на юг. Метра полтора, между прочим, полезной площади отнимает. Позолоченная бронза? А вдруг золотая?

Небольшой телескоп-рефрактор, объектив в сто пятьдесят миллиметров. Подставка с часовым механизмом. Стульчик низкий, но с удобной спинкой.

Я вышел на балкон, сошёл на крышу – стеклянную, но стекло особое, закалённое, с нарочитыми бороздками, по которым, верно, стекали небесные воды в особенные баки. Закалённое, не закалённое, а я вернулся на террасу. Мало ли. Отсюда вид открывался замечательный. Изумрудным шатром виделся бассейн. Открытый крохотный прудик птичья поилка-купалка. Виноградник. Огород. Ворота вдалеке, но не в таком уж и далеке.

Захотелось по-ноздrevски воскликнуть, что всё, что до

леса – моё, и лес – мой, и за лесом тоже – моё. Эк меня раззадорило! Горожанину, поди, кажется, что шестнадцать гектаров – королевство, а селянин знает, что это лишь на зубок. У Чехова, писателя великого, но ни разу не богача, имение Мелихово было вдесятеро больше. И то – не процветал, едва при своих оставался. Сам-то он, положим, в агрономии был профаном, душой не к земле, к высокому стремился, но батюшка его, занимавшийся помещьем, был хозяином жестким. Ан – бесприбыльное получилось дело, приходилось торговлишку пристёгивать, чтобы в ноль выйти, без убытка пожить.

А ныне... Техника дорогая, горючка дорогая, семена дорогие, удобрения дорогие, кредиты дорогие. А посредники... А власти... Власть белая, власть серая, власть чёрная, и каждая требует – дай, дай! А не то худо будет!

Тут я устыдился. Ещё вчера утром не имел ни клочка земли, а сегодня готов стенать, мол, маловато. Да на что мне вдесятеро больше? Что я и с этой землёй делать буду?

Любоваться? Любоваться, это, конечно, хорошо, а налоги? А плата слугам (понятие слуги уже не смущало мой ум)? Надолго ли хватит моих миллионов? И дядя, дядя – чем он жил, зарабатывал пропитание и всё остальное?

Проще всего спросить Войковича, но я решил погодить. Попытаться самому раскрыть тайну – если, конечно, есть какая-то тайна.

Солнце тем временем клонилось к горизонту. Время в

праздности летит быстро.

Я вернулся в мезонин и прошел на другую половину. Северную.

Здесь было прохладнее, хотя в крайние оконца солнце и заглядывало. Но и мебель тёмная, и панели чёрного дерева создавали иллюзию тьмы. Хотя почему иллюзию? Тьма и есть. Полуночная сторона мезонина.

И стол был черный, быть может, даже эбеновый. И опять орёл, но теперь серебряный. Просто Минводы какие-то.

Диван, чёрный близнец южного. И стулья с тёмно-фиолетовой обивкой. И стеллаж с книгами в чёрном переплёте.

Я пригляделся. Ленин – но не в синем общедоступном издании, а переплетён особо, на заказ. То ж и Сталин. У нас в гарнизонной библиотечке соседствовали оба, и обоих я прочитал. “Капитал” Маркса – его, признаюсь, не сдюжил. Даже обидно. Ведь впервые “Капитал” публиковался во французской рабочей газете, и писался языком, понятным рабочему. Или я путаю?

Посмотрел дальше. “Спутник партизана” сорок второго, наставления по снайперскому делу, рельсовой войне, “Тактика и стратегия ведения допроса”, опять же сорок второго года... Специфическая библиотечка.

А пишущей машинки на столе не было. Был чёрный ящик. Если в нём то, о чём я думаю...

То.

Хрустальный шар. Не из тех китайских шаров, что прода-

ются в лавках магии вместе с пластиковыми черепами и чучелами сов, зачастую тоже пластиковыми. Нет, это был заслуженный шар из кварца, размером с подмосковную дыньку. На подставке чёрного дерева.

Теперь я начал догадываться. То есть догадывался я и раньше, один бурьян перед воротами чего стоил, но вот оно, подтверждение. Лошадь ведут на свадьбу не водку пить. Уж если дядюшка подобрал мне гардероб по мерке, то и дело тоже подобрал. По способностям. Ну и шар подобрал тоже. Вполне возможно, что и китайский, только не современной работы, а времен династии Шан. Хотя это совершенно не важно.

Шар вместе с подставкой я вернул в ящик. Остыть нужно. Настроиться. Обрести душевный покой. А для обретения душевного покоя нет средства лучше прогулки по окрестностям.

Я спустился вниз, вышел из дома. Земля и в самом деле тёплая. Воздух тянет ввысь, будь я чуть полегче – полетел бы. Но – не полетел. Потому что шагал осторожно, по въевшейся за армейские годы привычке: на незнакомой местности смотри в шесть глаз. Вот я и смотрел, куда ступаю. И смотрел по сторонам. И смотрел вверх. И оглядывался. Немного утомительно, зато жив. Правда, подкрадываться было некому. Степь. Но и в степи могут водиться тигры и драконы.

Я шёл и шёл, внимая природе. Возвышенность хоть и невелика, а позволяла видеть далеко – как солнце продав-

ливаает горизонт, как два самолета чертят параллельные прямые у того же горизонта, как полетел к дубравке коршун, как яркая звезда, Венера или Сириус, открыли ночь, – и нечувствительно оказался у границы моего поместья. Канавки с пологими краями. Опять взыграла ноздрёвщина, хотелось полей, лесов и рек, но я её, ноздрёвщину, быстренько придавил. Лесов мне не хватает, понимаешь. Лесной фонд покамест казённый, потому непродан и некупен. Хотя для нужного человека могут, пожалуй, сделать исключение, но кому нужен я?

Я раздумывал, идти ли дальше, нет. Решил – чуть-чуть можно. Сумерки сгущались, но до полной тьмы было время.

Перепрыгнул через канавку, и во время коротенького прыжка в груди замерло, будто во сне летаю. От свежего воздуха, верно. От лёгкости.

Прошёлся и по чужой земле. Ладно, не чужой, федеральной. Приблизился к лесу, но остановился. Что в степи полумрак, в лесу – тьма. Можно и лицо разбить, и глаз потерять запросто. В степи ногой в чужую норку угодить, и хорошо, если только растяжением связок обойдется. Нет, при малейшей возможности ночь следует проводить в своей норе.

Я ещё раз взгляделся в дальнюю даль. А потом в даль ближнюю. Где-то шагах в двухстах показалось, будто стоит девушка в сарафане, стоит и манит рукой, иди, мол, ко мне. Конечно же показалось. И темно, и далеко, и откуда здесь девушки, да ещё в сарафанах, и, опять же, зачем им я нужен?

Просто показалось, и всё тут.

Я решительно, назло мороку, повернулся и зашагал домой. Еле-еле разглядел канавку, и то скорее мышечная память подсказала. Прыгнул обратно – с тем же чувством полёта во сне.

Где-то на пути к бассейну увидел странное: на земле медленно двигались синие огоньки. Спиралью. Как водоворот. Крохотные, как звезды Утиногo Гнездышка. Водоворот этот был метра два в поперечнике. Я нагнулся, даже встал на четвереньки, пытаюсь разглядеть, что же это тут светится. Не сумел. Решил, что светлячки, только очень маленькие. Может, они в Красную Книгу занесены, или даже пока не открыты.

Я осторожно обошёл водоворот, стараясь не раздавить чудесных насекомых. Сколько я при этом раздавил нечудесных, в счёт не идёт.

Уже у бассейна меня встретил Войкович, с фонарем. Такой фонарь ненаправленного действия, кампусный. Тебя все видят, а ты лишь метров на пять. Ну да, он специально такой и взял, чтобы я его издали углядел. Мы дошли до барского дома, ну, то есть просто до дома, и Войкович передал мне фонарь, сказав, что аккумулятора хватит на тридцать шесть часов непрерывной работы, а когда вот тут замигает красный огонёк, значит, требуется подзарядка, и он тогда возьмет и зарядит от ветряка. Потом дал ещё два фонарика, мелких – один налобный, другой ручной, с направленным светом.

– А керосиновая лампа? – спросил я.

– Есть свечи. В каждой комнате. Могу принести и керосиновую лампу, но если у вас нет навыка обращения с ней, то, возможно, стоит отложить лампу на завтра?

Я согласился. Керосин, стекло, фитиль – все это лишняя морока. Зачем она, когда светодиодный фонарь давал достаточно света, особенно в помещении. Как дюжина свечей.

Войкович проводил меня до спальни, где рядом с кроватью стояла тележка с холодными закусками, а на массивном столике тяжелый стакан, бутылка водки и бутылка коньяка.

– Коньяк – продукт местный. Ну, пусть бренди, но дядюшка ваш именовал коньяком. Виноград свой, бочки натурально дубовые, опять же из местных дубов. Водку делает Анна Егоровна, преотличная водка. Из районной пшеницы. Если у вас другие предпочтения, могу принести вино. Дядя ваш употреблял перед сном обыкновенно водку, иногда коньяк.

Я ответил, что довольствуюсь тем, что есть, а там посмотрим. И да, дом на ночь запирают?

– Разумеется. Он же был заперт, когда вы приехали. Хотя чужих здесь давно не видели, но порядок есть порядок. Ваш дядя и оружие часто при себе держал, револьвер. Для порядка. Хотя ни разу на моей памяти не выстрелил.

– Это хорошо, – ответил я чистую правду. Блажен муж, которому нет нужды стрелять из револьвера.

Войкович ушел, пожелав напоследок спокойной ночи.

Он ушёл а я остался.

Нет, спать я не собирался, пока, во всяком случае. И вод-

ку пить тоже не собирался – ни свадеб, ни поминок в пределах видимости нет. А просто так пить пока не выработалась привычка.

Я посидел пять минут на кровати, не очень уж и широкой, рассчитанной на здоровый сон одинокого человека, сидел, оглядываясь по сторонам. Чёрная шёлковая пижама, и шёлк натуральный. Хотя вряд ли местный. Хотя кто этих Карагаевых знает.

По сторонам стояла тяжёлая мебель натурального дерева, всё тот же девятнадцатый век: ни пластика, ни древоплиты. На полке пара подсвечников, каждый на две свечи. Подсвечники серьёзные, чугунного литья, такими шулеров бить удобно. Свечи на месте. Щипчики для снятия нагара. Спичечница – для наших дней редкость.

Я осмотрел кампусный фонарь. Основательный. Не из дешёвых. Ага, есть три режима работы. Поставил на экономный, стало светить втрое тусклее. Поставил на сверхэкономный – свету в полспички. Вернул на экономный.

Стал испытывать налобный. фонарь Четыре режима – стандартный, экономный, красный и зеленый. И, наконец, ручной фонарь. Кисть продел в петельку. Режимов только два – яркий и очень яркий. Поспешил выключить и стал заново привыкать к полутьме.

Сколько не оттягивай, а дело нужно делать.

Взял кампусный фонарь и вышел в коридор. Во имя стиля лучше бы зажечь свечи и идти с подсвечником в высоко

поднятой руке, но я пока не знаю, есть ли в доме сквозняки. Кампусный фонарь не задует ни неожиданный ветерок, ни бойкое приведение. А в этом доме привидения есть. И это не фигура речи, не украшательство. Я их чувствую, привидения. Ну, или то, что принимают за привидения.

Но сейчас не они не давали мне спать. Время не пришло, взаиморасположение небесных светил не привиденческое.

Я поднялся в мезонин, зашёл в полуночный зал, достал из футляра хрустальный шар, поставил перед собой на стол, сам сел в кресло. Фонарь перевел в спичечный режим, а потом и вовсе выключил. В окнах августовская ночь в фас и профиль. Звёзд много, луна явится сразу после полуночи. Будем ждать, недолго уже.

Вокруг жизнь. Стрекот цикад, уханье филина, рокот ветряка, шелест травы. Слух потихоньку очищался после городской сажи. Да и сам зал, верно, играет роль акустического усилителя.

На востоке посветлело, а потом и месяц поднялся, стареющий.

Что ж, пора.

В хрустальном шаре, освещенном звёздами и луной, за клубилось марево. Что оно клубится в моем сознании, а шар – это лишь экран, проекция, не столь и важно. Важно другое – что я в этом мареве увижу.

Мудрить не стану, пойду классической тропой. Настоящее время. Ну, о ком думаю я, смотреть не стану. Потому

что смотреть, в общем-то, некого. Ольга? Лучше не надо. Известно ведь, не хочешь узреть неприятное – не подглядывай. Ну, как не одна она, Ольга?

А вот разглядеть тех, кто думает обо мне, всерьёз думает, напряжённо, следует обязательно. Если таковые существуют.

Существуют?

Существуют.

Но сие не в радость. Меня хотят либо убить, либо посадить на цепь. Очень хотят. На уровне готовности номер один. Что любопытно – совершенно незнакомые мне люди.

Интермедия

Обезличенный кабинет начальника не слишком большого, но и не совсем уж маленького. Перспективного майора, быть может, даже подполковника. Или из штатских того же чина. В кабинете ничего лишнего: стандартная мебель, портрет на стене, недорогой кондиционер. Что недорогой, ясно по дребезжанию, но оно, дребезжание, похоже, всех устраивает, иначе бы давно выключили: ночь, жары нет, скорее, наоборот, прохладно.

На казённом столе – бутылка водки, баллон минералки, корнишоны, мясная нарезка, всё – едва тронутое. Пакет эконом-магазина. Заглянет кто – увидит, что люди снимают напряжение после серьёзной работы. Но никто сюда просто так не заглянет. Кроме автора.

За столом трое, возраст от тридцати до сорока. Одеты, как и полагается перспективным майорам в штатском. Для удобства назовём их Решительный, Осторожный и Умник, тем более что и выражение лиц, и мимика, и движения, и речь этих персонажей тому не противоречат.

– Нужно было его грохнуть ещё тогда, – сказал Решительный.

– Когда – тогда? – спросил Осторожный.

– Да хоть вчера.

– Тогда сегодня мы бы скидывались на венок, – отрезал

Умник.

– С чего бы это? Он нам не друг и не родственник, – возразил Решительный.

– Тебе бы скидывались. Забыл, с кем дело имеешь?– Умник посмотрел на Решительного, словно прикидывая, достоин ли тот хорошего венка, или годится подержанный, которыми задешево торгуют кладбищенские воры.

– Прямо уж мне... Я ж не сам. Нашли бы человечка, – возразил Решительный, но без былого напора.

– Человечка бы мы, очень может быть, что и не нашли бы никогда. А вот отдавший приказ... Помните, как умирал Гочланков? Такой смерти хочется? – по Осторожному было видно, что он – помнил.

– Ну, так тогда сработал Старик, зверь матёрый. А этот – желторотик, щенок подращенный, а по жизни полустудент-полухалдей, – Решительный всем видом выказывал презрение к желторотику.

– А можно поподробнее? – спросил, а на самом деле приказал Умник.

Решительный вздохнул, как вздыхает двоечник, вызванный учительницей к доске, мол, сколько можно, марьсемённа, всё меня да меня, всё Пифагор да Пифагор, но начал бодро:

– Триаршинов Иван Петрович, одна тысяча девятьсот девяностого года рождения, родители – отец инженер, мать – медсестра. Учился в средней школе номер два города Иркут-

ска, среди учителей и одноклассников считался мальчиком со способностями выше среднего, но и только. В возрасте пятнадцати лет лишился родителей – те погибли в авиакатастрофе...

– Какой катастрофе? – перебил Умник.

– Рейс SB1778 Москва – Иркутск, самолет после посадки выкатился за пределы взлетно-посадочной полосы и врезался в гаражи, погибло сто двадцать пять человек, плюс шестьдесят три человека ранены, – без запинки продолжил Решительный.

– А фигурант...

– Он не летел этим рейсом, а проводил лето в лагере отдыха. Был взят дядей, братом матери, Леонардом Альбертовичем Кантом, жителем города Павловска Ленинградской области. В сентябре поступил в профтехучилище номер шестнадцать по специальности “Организация обслуживания общественного питания”, уже во время учебы работал в кафе и ресторанах города. В восемнадцать лет был призван в армию, отслужил срочную, затем пять лет контрактником, вышел на гражданку два года назад в звании старший сержант.

– А где служил-то? – спросил осторожный.

– Во внутренних войсках, – продолжил Решительный. – ВЧ такая-то.

– И что он делал в этой ВЧ?

– Это закрытые сведения, но через свои источники удалось узнать: охрана и сопровождение особых объектов. И не

спрашивайте, что за объекты: тут нужен доступ самого высокого уровня. Можно, конечно, сделать запрос, но улита едет, где-то будет. Плюс возникнет вопрос, зачем нам это? И, как знать, не возьмутся ли за любопытных?

– Ладно, ладно, – сказал Осторожный. – Старший сержант, он и есть старший сержант. До старшего сержанта дослужиться можно путями простыми.

– Тогда я продолжу? – спросил Решительный, и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Поступил на дневное отделение биологического факультета Черноморского университета.

– А к нам его каким ветром занесло? Родные, близкие? – перебил Умник.

– Таковых не выявлено. Если, конечно, не считать ФФ.

– Отчего ж не считать? Вот тут, похоже, самое время посчитать – сказал Умник, словно носом ткнул в очевидное. Но Решительный не поддался и продолжил, как ни в чём не бывало:

– Учился хорошо, хотя и не из первых. Сразу начал по вечерам подрабатывать в ресторанах, сначала в “Петровском”, а затем в “Трактире на Пятницкой”. И в университете, и в ресторане характеризуется положительно. В рамках оптимизации лишен бюджетного места в университете с правом перехода на коммерческое обучение.

Проживает в съемной квартире, владеет автомобилем “Жигули” шестой модели выпуска две тысячи пятого года.

На карточке сбербанка двадцать восемь тысяч рублей. В отношениях с Ольгой Вилорайнен, которая, впрочем, вместе с родителями отправляется в Финляндию.

– Это те самые Вилорайнены? – спросил Осторожный.

– Те самые, те самые. Других в Чернозёмске не найти, – и Решительный закрыл перед собой невидимую папочку, дав понять, что это – всё.

– Негусто, – сказал Умник. – Словно в райотделе полиции готовили.

– А там и готовили, – простодушно сказал Решительный. – Триаршинова никто специально не вёл, кто он ФФ, четверородный, что ли, племянник. Со степенью такого родства насчитывается более шестисот человек – это с доказанной степенью. А всяких случайных родственников – кто знает? Триаршиновым стали заниматься вплотную лишь узнав, что ФФ завещал ему усадьбу. Причем завещал через обязанных ему людей. Потому, что успели собрать, то и успели. У нас же после всех пертурбаций штаты – я, да полтора землекопа в подчинении. Причём ни меня, ни моих землекопов от прямой службы никто не освобождал.

– А какая у тебя прямая служба? – спросил Умник, будто не знал.

– Служба у меня и опасна, и трудна – борьба с коррупцией в рядах борцов с коррупцией, – ответил Решительный.

– Да, крепко, – непонятно, к чему относились слова Осторожного, к сути службы или к тому, что её поручили Реши-

тельному.

– У вас там и генералы, бывает, в окно прыгают, – добавил умник.

– Это называете дефенестрация, – ответил Решительный. – Да что генералы, бывает, и царей того... за ноги и в окошко.

– Это ты про какого царя говоришь? – оживился Умник.

– Это я про Дмитрия Иоанновича, проходящего под кличкой Григория Отрепьева.

– Мы отклонились, – осторожно сказал Осторожный.

– Ну, приклоняйтесь, – решительно сказал Решительный. – Надумаем убрать – будем убирать, людей, которых не жалко, найдём, есть шанс, что и получится. А надумаем наблюдать – будем наблюдать, не в первый раз.

– Будем наблюдать. Пока, – подвел итог Умник. – В полной готовности. И, кстати, халдей – это маг и волшебник, смертельно опасный для недругов. Так пишут в умных книгах.

Предсказатель погоды достался мне бонусом. В память об армии. Случилась пустяковая контузия, два дня в госпитале, две недели “лёгкая служба”, и в строй по полной. Функционально не проявляется, иначе кто б меня держал, на контракте-то. Все нормативы выполнял по первому разряду, мог бы, верно, стать и мастером по военному пятиборью, ладно, кандидатом, да только наше подразделение в соревнованиях не участвовало. То одно задание, то другое. Мешало соревноваться.

Но я и практически, и теоретически здоров, вот только утром голова побаливает. Если сильно – к грозе, если умеренно – к дождику и ветру, если чуть-чуть – к ясной погоде. А часам к десяти, много к полудню боль проходит. Во время службы о болях я помалкивал, конечно. А на гражданке помалкивал и подавно, кому это интересно?

Сегодня голова не тревожила совершенно. В смысле – не болела. Мысли, конечно, беспокоили, как не беспокоить, но это другое. Да и мысли были всё больше ясные, толковые. Утвердить план и выполнять его по пунктам. Первое. Обследовать дом. Второе. Обследовать весь участок. Третье. Подумать.

Сделал упражнения, комплекс номер два. Пробежался по границе участка, то есть вдоль канавки три круга – около ше-

сти километров. Поплавал в бассейне. Позавтракал остатками ужина. И приступил к выполнению плана.

Сел за дубовый двутумбовый стол, подул в неслышимый свисток, и у явившегося Войковича спросил:

– Скажите, что есть в доме того, что я должен знать обязательно и сразу, а что может и подождать?

– Дом сам подскажет, когда и что, а если вам требуется нечто конкретное, то лучше сразу спросить у меня. Или у Анны Егоровны.

– Вам знакомо содержимое сундуков? – я показал на три сундука, стоящие по углам.

– Знакомо. В этом – он показал на пиратский сундучок, – мобильный запас золота. В том, что слева от вас – набор целебных мазей и микстур. А в комод, что у двери, ничего нет. Пустой.

– Мобильный запас золота? – переспросил я.

– Точно так. Среди определенного рода кругов принято расплачиваться за определённые же услуги не бумажными деньгами, а золотом.

– Федор Федорович расплачивался золотом?

– Чаще с ним расплачивались золотом, – ответил Войкович.

– А мази и микстуры? Не лучше ли хранить в холодильнике, а не в сундуке?

– Электрохолодильников в усадьбе нет вообще. Мы пользуемся ледниками, их у нас два, большого мороза и малого.

Но и мази с микстурами запросто не портятся, как не портится коньяк, да и сундук это не простой, а айдар-толбас, в котором можно хранить вещи сколь угодно долго. Пустой комод тоже айдар-толбас, так что если вам вдруг понадобится сохранить что-то нестойкое, лучше места не придумать.

– А сундук с золотом?

– Сундук с золотом – просто сундук. Крепкий, окован тяжелым железом, но вот хранить в нем простоквашу, звёздный снег или шаровую молнию не стоит. Испортятся.

Про звёздный снег и шаровую молнию я спрашивать не стал. Не время. Я спросил про стратегический запас золота.

– Он находится в хранилище, в подземных этажах.

– И много там золота?

– Точно не знаю, полагаю, что достаточно, – ответил Войкович.

Достаточно для чего? Но спросил я другое:

– Можно посмотреть?

– Разумеется, вы же хозяин, – но особого энтузиазма в голосе Войковича я не расслышал.

– Тогда я хочу посмотреть подземные этажи.

Мы вышли в вестибюль, где в особливом шкафу

Войкович взял пару керосиновых ламп, “Летучая мышь”.

Ну, заодно поучусь и обращению с лампами.

Мы начали спуск.

– Это нулевой уровень, – сказал Войкович, при скудном свете сверху зажигая лампы. Одну дал мне. Перед нами была

двустворчатая дубовая дверь с железными полосами для вящей прочности. А у меня – ключ, который я взял по совету Войковича.

– Нулевой уровень первоначально использовался для хранения предметов из тех, что выбросить жалко. Античердак. Сейчас здесь хранятся экспонаты музея.

– Их куда не забрали?

– Не нашлось желающих. Всем музеям подобного рода не до жиру.

Ну да. В тусклом свете я различил картины, расставленные по особым стойкам, как велосипеды. Самих полотен не видно, они упакованы, но на некоторых, которым в стойках не хватило места, можно было рассмотреть надписи “Ленин в Разливе”, “Калинин встречается с доярками”. В девяностых на подобные картины спрос упал. Сейчас, пожалуй, снова растёт.

Неподалеку на полу стояли бюсты. Маркс, Ленин, Сталин. Большие бюсты.

– Бронза? – спросил я.

– Бронзовые распродали, ещё музейцы. Чугун.

Я поёжился.

– Плюс восемнадцать, – сказал Вергилий.

Мы вернулись к лестнице, спустились ниже, я отпер новую дверь.

Минус первый уровень ничем не поражал. Повсюду стояли длинные пустые полки – и мощные опоры, поддержива-

ющие дом.

– Прежде, ещё при графах Карагаевых, здесь хранили вина. В бутылках. Вино, бренди, виноградная водка, шампанское. Всё – из местного винограда. После революции, правда, виноградники пропали, и пропали надолго. Пятнадцать лет назад ваш дядя начал экспериментировать, но, конечно, в миниатюре.

И в самом деле, около тысячи бутылок заполнили лишь малую толику помещения. Я взял одну. И бутылка, и этикетка были самыми простыми. Никаких дизайнерских находок. Пробка, тем не менее, настоящая.

Я вернул бутылку на место.

– Больше смотреть на этом уровне нечего?

– Разве что гигрометр. Плюс двенадцать. Влажность пятьдесят семь процентов. А больше нечего, – подтвердил Войкович, и мы вернулись к лестнице и её дверям.

Минус второй уровень можно было использовать, как кинозал. Или как бомбоубежище. Длинные скамейки поперек большого, на весь уровень зала. Человек двести поместятся. И пара отдельных комнат-клетушек, в роли туалетов.

– Так и есть, с конца сороковых тут было бомбоубежище, – подтвердил мою догадку Войкович.

– Неужели в музее было столько работников?

– Нет, но по эвакуационным планам здесь собирались разместить областной партархив. С работниками.

– Двести работников?

– Двадцать. Но скамейки стоили недорого, вот и поставили с запасом.

Я пригляделся. Недорого, значит, недорого, но выглядели они добротно.

– Немецкая работа, – пояснил Войкович. – Военнопленные делали, в двадцати километрах отсюда, на станции Болотной были столярные мастерские, там пленные и работали.

Те же плюс двенадцать.

– А не замерзнут архивариусы?

– Напротив, тут главное отвести тепло. Двадцать человек по две с половиной тысячи калорий в сутки... А если шестьдесят человек?

Спустились ещё ниже.

– Глубоко копал граф Карагаев, – заметил я.

– Копали мужики.

– Крепостные?

– Нет, граф нанял артель. Вернее, граф нанял архитектора-немца, Маллера, а тот – команду строителей. Вышло недёшево, но Карагаев считал, что оно того стоило.

– Откуда вам это известно?

– Из дневников Карагаева. Они были спрятаны на последнем уровне.

– И я могу их почитать?

– Конечно. Теперь они в шкафу в кабинете Федора Фе... в вашем кабинете. Третья полка. Почерк у графа, правда, не

из лучших, да и писал он по-французски.

– Ах, по-французски...

Минус третий уровень был темным. Казалось бы, какая разница, ведь и окон, и других источников света не было ни на нулевом, ни на минус первом уровне. Однако здесь свет “Летучих мышей” не доставал до противоположной стены. Я даже фитиль вывернул посильнее – всё равно не доставал.

– Просто всё выкрашено вулканическим пеплом. То есть краской на основе вулканического пепла.

Я подивился, что это за краска, но спрашивать опять не стал. Учительские манеры Войковича продолжали утомлять.

А краска и в самом деле замечательная. Стену я разглядел только с трех шагов.

Те же опорные столбы, наверху – балки-перекрытия. Как в детской страшилке – всё чёрное-чёрное. А на каменном полу – чёрные ящики. Одни похожи на гробы, другие – просто прямоугольные, но все – не слишком большие. Два сильных мужика поднимут, если, конечно, они не набиты золотыми слитками. А если набиты, то не поднимут. Тут приспособление нужно, особые тележки. Хотя и с тележками как такой груз тащить?

– Здесь, то есть дальше, имеется подъёмная машина. Ещё со времен графа Карагаева, – опять угадал мои мысли Войкович.

– Паровая машина?

– Нет, какое. Одна лошадиная сила. Система блоков, поз-

воляющая поднимать – и опускать – двадцать пудов. Медленно, но и время было неспешное.

– А сегодня?

– Сегодня электромотор в два киловатта.

– Что-то я не заметил лифта в доме.

– А он и не в доме. Ход идёт под углом, и выходит в тридцати метрах. Так даже удобней на случай бомбардировки выбираться, если дом обрушится.

– Ну, после бомбардировки ветряк вряд ли уцелеет.

– Так можно самому. Ноги, руки, голова. Потихоньку, полегоньку. В пятидесятые и шестидесятые проводили учения. Теперь-то нет.

– Но вы пробовали?

– Когда-то. На всякий случай. Ничего невозможного.

Мы медленно шли среди ящиков.

– Кстати, а что в этих ящиках хранится?

– Запасы на случай войны. Я уже говорил, сюда планировали эвакуировать партийный архив. Но архивисты должны были не просто сидеть на бумажках, а всемерно поддерживать авторитет советской власти. Словом и делом.

– То есть это были бы военные люди.

– Несомненно. Штатских архивариусов оставят в городе, а сюда – архивариусов боевых. Тут есть небольшая типография, оружие, боеприпасы, амуниция и всякое другое-третье, необходимое, чтобы подавить всякие нездоровые выступления людей, которым вдруг помстится, что если ядерная вой-

на, то и власти конец.

– И золото?

– И золото. Да ещё дядя ваш потом добавил, – но как добавил, зачем и сколько, не сказал.

– Но почему потом это не забрали – оружие и прочее...

– По документам – забрали. Но оставили. Бензин продали налево, это ж начало девяностых.

– Но это же оружие...

– Тяжёлый авианесущий крейсер «Киев» был продан неустановленному лицу за полтора миллиона долларов. В начале девяностых. При стоимости в миллиарды. Так что всякая мелочь... По документам – передали в помощь братскому афганскому народу ещё при Горбачёве.

– Но зачем они дяде?

– Он решил, что избавляться от подобного груза себе дороже. Сразу начнется расследование, глядишь, и покупку имущества признают незаконной. Лишние хлопоты. Да и кто знает, что будет завтра. Пусть уж здесь полежит. Темно, прохладно, сухо, никого нет. Лучшего места для хранения и придумать трудно.

Мы тем временем продвигались среди ящиков. Не все они стояли на полу, большей частью на стеллажах, а стеллажи большие, по пять ярусов.

– Тоже дуб?

– Лиственница, – вопреки обыкновению коротко ответил Войкович.

– Нужно вскрыть ящик-другой. Посмотреть.

– Как скажете, – он отошел в сторонку и вскоре вернулся с инструментами: ломиком-гвоздодером и молотком.

– Которые ящики требуется открыть?

– Ну, для начала этот – я показал на третий ярус стеллажа и приготовился стаскивать.

Не пришлось.

Войкович опять удалился и приехал на погрузчике. Велосипедная тяга в одну человеческую силу. Не скоро, но скоро. Погрузчик поднял до нужного уровня ухватчики (в погрузчиках я не силен, может, конструкторское название и иное), подцепил ящик и не спеша, аккуратно, положил его на пол.

– Судя по маркировке, здесь двенадцать самозарядных карабинов Симонова, – сказал он.

– Вот и проверим, – ответил я.

Но проверял Войкович. Он ловко, только этим и занимался, вскрыл ящик (хотя следует признать, что ящики и сбиты были так, чтобы их было легко вскрывать и заколачивать), откинул верхнюю часть. В воцаной бумаге, в густой консервирующей смазке лежали они, самозарядные карабины Симонова. Пересчитывать я не стал, и незачем, и от смазки долго отчищаться.

– Я удовлетворен, – сказал я, и тут же Войкович столь же ловко вернул ящик в первобытное состояние.

– А патроны?

– Да, есть и патроны. Показать?

– Нет, но... Сколько же им лет, этим патронам?

– Ящики, в которых упакованы цинки, помечены от шестьдесят первого до восемьдесят шестого года. Те, восемьдесят шестого, чешского производства. Учитывая, что температура стабильно плюс двенадцать...

Я не удивился, что плюс двенадцать, я удивился, что чувствую только легкую прохладу.

– Ветра нет, воздух сухой, плюс адреналин подогревает.

– А золото? Тут где-то золото?

Войкович провел меня в угол, где стояли небольшие ящики.

– Будем вскрывать?

– Хотелось бы знать, что внутри.

– Испанское золото. После поражения республиканцев из Испании в Советский Союз было вывезено золото, а у Испании, поверьте, за века скопилось его немало.

– И все оно здесь?

– Нет, разумеется. Тонн десять, не больше.

И он открыл ящик, подготовленный заранее. Слитки как слитки. Напоминали коробки с костяшками домино. Только не черные, а жёлтые. И надписано соответствующее, мол, столько-то унций испанского золота, смотрите, не перепутайте.

Никто и не путал.

– Что ещё интересного есть на этом уровне?

Вместо ответа Войкович подвел меня к двери в стене.

– А что там? Алмазный фонд?

– Там ход, ведущий в древнее подземное поселение.

– Насколько древнее? И насколько подземное?

– Граф Карагаев считал, что поселению – он звал его Навь-Городом – не менее десяти тысяч лет. Что до глубины – сам граф спускался ещё на четыре уровня вниз, но что-то заставило его отказаться от дальнейших изысканий.

– А работники музея?

– Этот ярус был режимным, а с режимом шутки плохи. И второй-то ярус можно было посещать лишь в сопровождении особых людей во дни учений, а уж третий...

– А дядя?

– Он просил показать ход вам. Ключ к двери у вас.

– Но ведь это научное открытие мирового значения.

– Вы когда-нибудь слышали про город Деринкую? – спросил меня Войкович.

– Не припомню.

– Это подземный город в Турции, открыт в шестьдесят третьем году. Тысяча девятьсот шестьдесят третьем. А так ему четыре тысячи лет – по мнению археологов.

– Что, тоже на четыре уровня в глубину?

– Открыто десять. А там, может, и все тридцать. Археологи спешить не любят. В библиотеке вашего дяди, простите, в вашей библиотеке есть книга о Деринкую, солидное издание позапрошлого года.

– На французском? – не удержался я.

– На турецком и английском, параллельно.

– Это ладно, это другое дело.

Мы не спеша поднялись наверх.

– Всё-таки удивительно. Такие ценности – и никто не хватился.

– На территории СССР существовали куда более серьёзные объекты. Десятки тысяч тонн химического оружия, например.

– Его ж нейтрализовали. Утилизovali. Кажется.

– Утилизovali едва ли сотую часть. Тут много причин: износ ёмкостей, не позволяющий транспортировку, да и просто неизвестно, где хранятся все эти тонны люизита, изготовленные в годы первых пятилеток. После чистки армии в тридцатых... Тут, вот прямо здесь, на третьем ярусе, сорок бочек газа Нафферта, хранятся. В отдельной камере. Может, будут какие распоряжения?

– Какие уж распоряжения. Пусть и дальше хранятся.

– И вот так по всем губерниям. Наследство Советского Союза.

– Ладно, отравляющие газы – штука вредная. Ладно, стрелковое оружие – его, если считать с трофейным, по стране десятки миллионов стволов. Но золото! Десять тонн золота!

– Это по минимальным подсчетам десять, – уточнил Войкович, и продолжил: – Вы человек молодой, а ещё до вашего рождения вдруг оказалось, что золотой запас СССР, тысячи

и тысячи тонн, взял, да исчез. Сгинул, будто и не было. Даже иностранных сыщиков нанимали искать – не нашли!

– Ну да, золото партии...

– Золото было государственным. И сплыло.

Мы уже были в дядином – то есть, конечно, моём – кабинете.

– Ну, хорошо. Положим, есть у меня золото, есть булат. Вы, Владимир Васильевич, всё показали, да только не сказали, что мне с этим добром делать.

– Показал я не всё, но лишь главное. А уж что делать – не ко мне вопрос. Собственно, у многих состояние, переведи его в золото, и побольше вашего будет. Губернаторы, друзья власти, входящие в Круг – те, кто на виду. Но есть и скромники. Живут потихоньку...

Разговор Наставника с Недорослем прервала Анна Егоровна:

– Иван Петрович, у ворот налоговая инспекция ждет. Вы сами выйдете, или как?

– Сам. Явлю себя инспекции.

Видно было, что и Войковичу, и Яцукевовне ответ мой не вполне понравился, они, верно, ждали вопроса, как в таких случаях поступал дядя. Но раз уж назвался хозяином – хозяйствуй. А спросить я успею.

Я не спеша шел к воротам. У меня прежде никаких личных контактов с налоговой не было, выдали ИНН, да и все. Но, работая в ресторане, знал о них немало.

Ну, и время, проведенное здесь, в имении, уже начало действовать.

– Как вы принимаете гостей? – раздраженно сказал налоговый, выйдя из машины. Автомобиль, “форд эксплорер”, для налоговиков штука обыкновенная. За рулем, понятно, водитель, потом налоговый лет тридцати, и дама лет двадцати двух, то ли младший налоговый, то ли, наоборот, старший.

Я огляделся. Чуть позади, шагах в десяти, стояли Владимир Васильевич и Анна Егоровна. Принимали экзамен.

– Где тут гости? Не вижу.

– Как нам проехать к дому? – напористо продолжил налоговый.

– Это зависит от того, какой дом.

– Не умничайте. Нам поручено кое-что проверить. По налоговой части.

– А я-то здесь причем?

– Вы обязаны обеспечить полный доступ.

– К чему?

– Для начала – к дому.

– Я не хочу, чтобы вы шли к дому и вообще ступали на мою землю. Это понятно? Но если так велит вам долг – идите, что вам мои желания. Забора нет, канавка крохотная. Хотите – машиной рискните, хотите – пешком идите.

– Так вы нас приглашаете?

– С чего бы это вдруг? Я просто не мешаю вам делать вашу работу. А сам буду делать свою.

– Но нам нужно пройти в дом.

– Работа такая, понимаю. Решайтесь.

– Мы вас оштрафуем. За препятствие. Крупно.

– Поторопитесь, а то не успеете – и я развернулся.

– Подождите! Подождите! – кричала женщина. – Вы этого дурака простите. Ну, дурак он, так не своей волей сюда послан.

– А вы? – обернувшись, спросил я.

– И я не своей.

– Все получают в зависимости от чина и звания, – и я вернулся в дом. Прошёл в кабинет. Открыл шкаф с восковыми фигурками. Взял чистую заготовку, тонкие фломастеры и в четыре движения превратил безликого в налогового. Потом взял золотую иглу и, ни секунды не медля, вонзил её в левую ягодицу.

Все это я совершил в полной уверенности целесообразности сделанного. И лишь потом подумал, что так сходят с ума.

Хотя физиономия куколки походила на налогового изумительно. А я художник плохонький. «На боевом посту» к праздникам оформлял, вот и все достижения. Значит, работало место, время, ну, и я тоже не подкачал. Возможно.

Владимир Васильевич и Анна Егоровна мои чудачества восприняли не только с пониманием, но и с уважением. Даже с капелькой страха.

Я попросил приготовить постные щи и вообще чего-нибудь вегетарианского, и Анна Егоровна с явным облегчением

удалилась. Владимира Васильевича я отпустил просто, мол, пусть займется тем, чем нужно. И он ушел в раздумьях. О чем раздумывал – о нужных занятиях, о новом хозяине?

Я же наслаждался волей. Как человек, двадцать лет назад научившийся ездить на велосипеде, но потом от велосипеда отлучённый. И вот получил, и не детский, а самый что ни на есть взрослый.

Ну да, как раз двадцать лет прошло. Меня перед школой родители отвезли к бабушке, на море. В Крым, в маленькое селение в десяти верстах от Коктебеля. Бабушка была не родная, троюродная, но ближе родственников на море не было. Или не звали. А она позвала. Вернее, прислала письмо, слышала-де, что Ваня зимой сильно болел, так привозите, солнце, море, рыба, фрукты и вообще Крым – это Крым.

Видно, другой возможности оздоровить меня (это доктор говорил “оздоровить”, мол, после такой болезни съездить на юг – необходимо и обязательно) не было, денег едва на жизнь хватало, вот и отвезла меня мама. Зато на самолете, видно денег призаняли. Поездом долго, а я слабенький. Привезла, пожила три дня, и уехала назад, теперь уже поездом, в плацкартном вагоне. А я остался. С начала мая до самого конца августа. Селение было многоязычным – русские, татары, греки, украинцы, и я даже нечувствительно выучил сотни четыре татарских слов или даже больше, причем не слов, как таковых, а слов живых – мог по-татарски произнести несколько предложений подряд, лишь изредка в случае нехватки встав-

для русского. Про украинцев и не говорю. То есть буквально – говорить не говорил, не требовалось, но всё понимал. Вот с греческим не сложилось: греческие дети говорили по-русски. Где-нибудь совсем между собой, может, и по-гречески, но на людях всегда по-русски.

Играли, купались на мелководье совершенно без присмотра – или так мне казалось, что без присмотра, всегда с нами был кто-то из старших братьев или сестер, лет двенадцати а то и пятнадцати, в шесть лет с копейками разницу не сразу и поймешь. Ел рыбу, фрукты и был счастлив.

А ещё бабушка учила меня видеть и думать. Не колдовству учила, не ворожбе, а именно так – видеть и думать. И, где можно – выбирать путь. Себе, и никогда – другим. Ну разве путь других пересекается с моим, и пересекается нехорошо. Или, напротив, слишком хорошо для них, но не для меня.

Как водится, велела это держать в секрете, но какие в селении секреты... Все знали, что бабка моя, Серафима Александровна, не из простых (так и говорили обиняками, “не из простых”, не решаясь сказать прямо), её уважали, но и сторонились, побаивались. А меня, напротив, не сторонились, а наоборот – везде я был желанным гостем, и лучшие кусочки всегда предлагались мне. Я полагал это вполне естественным, ведь я такой хороший, умный и красивый, но потом понял, что так, через меня, старались угодить бабушке.

Учился я легко, в детстве вообще учиться легко, голова-то

пустая, конфликта старого знания с новым нет. Ну, как писать на чистой бумаге, а не на старых газетах, как бывало когда-то.

А потом лето кончилось, и я уехал. С бабушкой не переписывался, она не велела, только раз, на седьмое ноября послал открытку с благодарностями и наилучшими пожеланиями – так мама велела. А в декабре она умерла. Это я во сне увидел – бабушку, которая говорила, что пора ей идти дальше, а то старость не в радость. А мне быть осторожным, куда в силу не войду, а когда войду – сам пойму. А потом быть ещё осторожнее.

Месяца через три весть о смерти бабушки дошли и до родителей, и они осторожно сообщили об этом мне, напирая на то, что бабушке было восемьдесят восемь лет, и дай всякому столько пожить, да ещё в Крыму. Крым в нашем краю был синонимом Рая, да он и для меня стал Раем, в который, я, однако, возвращаться не спешил. Недостоем пока, и буду ли – не факт. Хотя если выбирать между Финляндией и Крымом – не сомневался бы ни минуты. Может, и зря, недаром же бабушка призывала к осторожности. Все меняется, и будут ли ко мне дружелюбны татары и украинцы (греки-то, верно, будут)? Да и русские тож. Всё непросто.

По возвращении от бабушки вернулась обыденность. Без моря и солнца. То есть солнце-то, конечно, было, но другое.

И жизнь другая. Никто чужой не радовался мне лишь потому, что я – это я. Но, памятуя бабушкины уроки, я видел

пути, лежащие передо мной. Не очень далеко, но видел. И выбирал соответствующий. Потом стал как-то позабывать. Четырнадцать лет, пятнадцать, критическое восприятие себя-прошлого, окружающей действительности, и так далее. В армии мне более пригодились начатки татарского. Ну, и навыки прежнего, потому, как пишут в анкетах, я пользовался заслуженным уважением среди товарищей и начальства.

Но вот сегодня на велосипед толком сел впервые за долгое время. Ничего, вспомню.

А если и не вспомню, то буду вспоминать. Детство, оно всегда с тобой.

Никаких особых усилий я не прилагал – просто дал волю собственным желаниям фигурантов. То есть подтолкнул к тому, к чему они и так изо всех сил тянулись.

И пусть никто не уйдет обиженным.

Интермедия

– Ты чего сдала-то, Ирка? – спросил Степан Николаевич. – Подумаешь, прыщ на ровном месте. И не таких обламывали.

– Кому Ирка, а тебе Ирина Викторовна, это первое. И почему вдруг срочно послали тебя, не думал? Это второе.

– Смешно. Начальство велело, вот и послали. И не меня, а нас.

– Ага. Оценить кадастровую стоимость.

– Ну да.

– Это тебе не избушка на пяти сотках. Это историческое здание на пятнадцати гектарах.

– На шестнадцати.

– Тем более. Не по Сеньке шапка. Кадастровая оценка – это вообще не твоя специализация. И не моя. А уж когда речь идет о таком... Кто тебе такой кусок даст? С какой стати?

– Ну... Тебе дали, а меня в пристяжку.

– Я, дорогой наш Степан Николаевич, в положении особом. Если что, так меня и не жалко. Выходит, и тебя не жалко тоже.

О том, что Ирка, то есть Ирина Викторовна, болеет чем-то серьезным, то ли СПИДом, то ли гепатитами Б, С и ещё чем-то, в налоговой шушукались, но шушукались тихо – Ирина Викторовна была дочкой очень большого человека. В нало-

говой шушукались, но автор-то знает точно, да, болеет и находится в оранжевой зоне: средняя продолжительность жизни при подобном состоянии три года. Но и Степан Николаевич тоже мимо ушей ничего не пропускал, и потому задумался – а, правда, с чего это ему такая честь? На подобном задании люди берут хорошую мзду, даже очень хорошую, но он в категорию подобных людей не вхож, родом не вышел. Да и вообще, оценить за день – а командировка была суточной – подобный объект просто невозможно. Видно, и в самом деле их пустили поле проверить – минное оно, картофельное или алмазное поле чудес. Если минное – так и не жалко. Его, Степана, давно подсиживают, у начальства дети подрастают, ну, а насчет Ирки – это уж её проблемы.

– Ладно, что будем делать? – спросил он миролюбиво.

– Что-то... Перепишем прошлое заключение, а кому не нравится – пусть проверит сам. И, помолчав самую малость, добавила:

– Таково наше дело.

– А раз дело, то самое время принять. А то не по себе там было. Через канавку прыгать не хотелось почему-то.

– Чуйка сработала, вот и не прыгнул.

– А ты, Конюховский, почему не поехал? Или не выдержала бы подвеска канавку? – спросил Степан водителя.

– Была бы «Нива», то рискнул бы.

– У «Нивы» проходимость лучше?

– У «Нивы» ремонт дешевле.

Поставив точку на разговоре, Степан вытащил из сумки полулитровую бутылочку «Кока-колы». На самом деле газировки в ней было четверть литра, а остальное водка, но по виду сразу и не скажешь.

Ирка, то есть Ирина Викторовна, заморачиваться не стала, и вытащила плоскую фляжку граммов на двести. Открыла пробку и хлебнула прямо из горла, прямо как маршал Жуков.

Конечно, взятого им хватило только до Семилетовки, где, приказав Конюховскому остановиться у гастронома, они взяли по четветинке водки: Степан – «Столичной», а Ирина Викторовна «Московской». Ну, и мятных конфет, само собой. Конюховский тоже время не терял, и пока те были в магазине, пустил по вене проверенную дозу зелья. Только-только взбодриться и успокоиться, такое вот оно чудесное, зелье..

В Чернозёмск, в контору они приехали за час до закрытия, на удивление бодрые, Ирка даже по линии десять шагов прошла – не сбилась.

Начальство встретило неласково, но и не сурово. Приняв отчет устный – «ну, с виду ничего там не изменилось, если что», и согласившись подождать отчет письменный до завтра, оно, начальство, отпустило подчиненных и тут же позвонило не своему начальству, нет, а вбок. Доложило, что все обошлось без происшествий. Доложило, достало из тумбочки бутылку «узо», которое («узо» ведь среднего рода, нет?)

и ополовинило под шоколадную конфету, большего в кабинете не было, после чего уснуло прямо за столом..

А тот, которому звонили, не поленился доехать в гараж, найти нужную машину (водитель спал на заднем сидении) и скачать показания видеорегистратора. Потом вернулся уже в свой кабинет и посмотрел интересующую его часть под «плиску», которую выпил до дна, и уснул на диване.

Запой длился неделю, но с кем не бывает, главное – специалисты хорошие.

Анализы на ВИЧ и гепатиты у Степана Николаевича оказались отрицательными, то есть теми, о которых мечтают (это вам не романы, где отрицательный герой вовсе не герой, а плохиш), однако доктор настоятельно посоветовал повторно сдать их через три месяца.

5

Я сидел на полуденной половине мезонина, смотрел на золотого орла и думал, что попал в положении рыбака на утлой лодочке, мечтавшего о сазане, но поймавшего белую акулу или даже плезиозавра. Бросить жалко, но ясно, что я тут вообще не рыбак, а наживка. В любую секунду ударит чудовище хвостом по лодочке, а то и так слопаёт, вместе с ней.

Взять хоть золото. Одну, две, даже дюжину монет реализовать не сложно. Интернет-аукцион, антиквары, да хоть банальная скупка лома. А вот сто, двести монет уже непременно привлекут внимание. А если больше... А испанский слиток? Да, можно обналачивать через властные или криминальные каналы, но для этого нужно самому быть частью властного или криминального мира. А нет – тут же пойдешь в разработку. Утюги, паяльники, да мало ли способов докопаться до истины в ходу у населения. А уж десять тонн в слитках испанского казначейства?

Вариант отдать родному государству не рассматривается. Даже если бы на уровне не было оружия на батальон, если не на полк, всё равно подбросят героин и посадят, как крупного наркодельца, а золото просто исчезнет, не знаем никакого золота, он был сумасшедший, ваш Триаршинов, оттого и удавился в камере. Уж лучше повесить ППШ на грудь и выйти на Красную площадь с лозунгом «Долой буржуев».

Сидеть над золотом – буквально, как Кощей? Быть счастливым лишь от мысли, что это золото – моё? Скорее, я – его. Буду отгонять всяких проверяющих, вроде сегодняшних налоговиков, и так до конца жизни. Не хочу.

Самому пойти во власть? Усердием и верностью служить партии власти? Почему нет? В политическом смысле я белый лист, что хочешь, то и рисуй. Глядишь, лет через десять стану районным депутатом, а через двадцать – так и областным.

Нет, чушь, это встреча с налоговиками разрядила мой мыслительный аккумулятор, вот и лезет всякая ерунда.

Разрядила – будем заряжать.

Второй вариант – пойти во власть не бедным родственником, но крупным игроком. Провести референдум, объявить волость верным наследником Советского Союза, провозгласить право жить по принципам развитого социализма, организовать Красную Гвардию человек в сто или двести... Раскатают танками. Или разбомбят. Или со дна Каспийского моря подлодка выпустит ракету «Калибр». Не зря же на сирийцах тренируются.

Да и не Ленин я по природе. Совсем не Ленин. Скорее, Савинков. Или Че Гевара. Но и Савинков, и товарищ Че кончили плохо. А кто хорошо? Всё равно все умерли, а кто пока не умер, умрёт непременно.

Поток мыслей, достойный рядового восьмиклассника уездной общеобразовательной школы (это когда не светит ничего, то есть совершенно, разве что армия, и то дальше

сержанта путь закрыт) перервал обед.

Собственно, чем плохо быть сержантом? Я и сам сержант. Старший.

До генерала далеко, вот чем плохо. По служебной лестнице если идти. А если по горизонтали – вот он, генерал, рядом.

Я спустился в столовую и вкусил вегетарианской пищи. Как заказывал. Летние щи из капусты. Салат. Фальшивый заяц. Чай из трав. Стручки молодого гороха на десерт.

Душа считала, что это именно то, что нужно. Кто я такой, чтобы спорить с душой?

Обыкновенный обед переводит меня на полчаса в состояние сонное. Тут ещё и армейская привычка, и армейский рацион и армейские нагрузки. Два года, как нагрузок нет, но послеобеденная пара для меня – время передышки. А сегодня я уже через пятнадцать минут был свеж и бодр. То ли травы в чае особые, то ли малая калорийность обеда, а, может, ещё и природа, окружение.

Я вернулся в мезонин, но о золоте уже не думал. Золотой перерыв. А думал я о подземном граде. Войкович подал обещанную книгу. Турецкий я не знаю, но английским владею даже без словаря. Хорошо читаю, понимаю разговорную речь и сам говорю – в ресторанных пределах и чуть больше.

Деринкую меня поразил. Это, действительно, не пещера, а город, уходящий под землю на шестьдесят метров. А рядом другой город – Невширах. Каждый из городов населяли тысячи, а по другим данным – десятки тысяч человек. Возраст

– пять тысяч лет. Есть и города и поменьше, и они связаны между собой многокилометровыми тоннелями. Причем сами города исследованы едва на десять процентов, и некоторые ученые утверждают, что в глубину города простираются куда глубже, чем предполагается. Но с исследованиями не торопятся. Бюджет не позволяет, города слишком велики, да и политическая обстановка последнее время не радует.

А вдруг и здесь подземный город доскифского периода? Это не десять тонн золота, это сокровище бесценное. Десять тонн золота – создать действующий музей, с научным центром, увлеченными гидами и обсерваторией (почему-то вдруг подумалось, что обсерватория с небольшим телескопом, семидесятисантиметровым рефлектором, очень даже пригодится. Больше нельзя из-за восходящих потоков воздуха).

Погоди-погоди. Не в обсерватории дело. Положим, сегодня это невозможно: всё отберут, самого законопатят, а то и убьют, а музей замурыжат. Но почему этого не сделал граф Карагаев? Почему не сделали в годы советской власти, которая науку, в общем-то, уважала, особенно в шестидесятые и семидесятые годы?

Полно, с чего я решил, что там – город? Может, что-то типа пещер Киевской Лавры? Тогда ни графа-вольнодумца сначала, ни атеистическое государство позднее подобные находки не интересовали настолько, чтобы отрывать от необходимого ради третьестепенного. Или вообще нечто, куда со-

ваться не след?

Нужно будет самому проверить. Не сегодня. Попозже. Подготовиться. А то и заблудиться недолго.

Позвать, что ли, армейских друзей?

Я начал перебирать. Служба была таковой, что нас беспрестанно тасовали: сегодня ты в одной команде, через месяц в другой, ещё через месяц в третьей. Чтобы уменьшить вероятность возникновения личных отношений. Не в смысле сексуальных, а просто чтобы доверять друг другу доверяли, но и проверять проверяли. Докладывали друг на друга при малейших признаках нелояльности, дабы исключить возможность сговора.

Но я, то ли из-за самоуверенности, то ли ещё отчего, мог бы собрать человек десять. Или двадцать. Да только за-чем? Попить-покушать, наследством похвалиться? Золотом испанским? Это приведет только к тому, что вместо одного меня законопатят десятерых. Да и вообще у каждого своя жизнь, каждый более-менее устроился. Семья, работа, повседневные заботы. Ради чего их грузить заботами своими? Разве что вот Влад Смирнов... Неважная у него жизнь, совсем неважная. Болеет он. Тяжело и непонятно. Вся группа, выполнявшая задание, вдруг заболела. Ну, их и попросили вернуться на гражданку. Ту группу я знал шапочно, новички, а с Владом успел пуд соли съесть. Он, Влад, в той группе был за старшего. На гражданке Владу поставили диагноз апластической анемии, иными словами, тяжелого малокро-

вия. Удалили селезенку, лечат всякими препаратами – и живет он в полжизни. Или в четверть. Как в том мультфильме, еле-еле сил хватает телевизор смотреть. В случае со Владом – читать книгу, телевизор он на дух не переносит. Уж не знаю почему. Утром и вечером гуляет по часу, какая бы погода не стояла, а остальное время дома или в библиотеке. Это он мне однажды письмо написал. Ручкой по бумаге, бумагу в конверт, конверт на почту. Редкость по нашим временам. Мне так ещё дядя Леонард пишет.

Но дядя Леонард по-прежнему (понемножку, за штатом) преподает, а вот Влад пропадает. Дело не во второй группе инвалидности (она у него побольше иной учительской зарплаты будет, не потому что большая, а потому, что учительская зарплата крохотная), а просто дела у него нет. Ну, и будущего тоже. Он человек трезвомыслящий, хотел быть шофером-дальнобойщиком на собственном моторе, а потом даже фирмочку поднять на три-четыре фуры, а теперь какая ж фирма, если всей энергии хватает на два часа прогулки неторопливым шагом? Писал он мне, спрашивая, как мое здоровье, не хвораю ли. Не хвораю, ответил я, умолчав о головных болях. Учусь, подрабатываю помаленьку, в общем, на гражданке, как на гражданке.

Больше письмами мы не обменивались, чай, не девятнадцатый век на дворе. И не созванивались. Нужды не было.

А сейчас возникла.

Я взял спутниковый телефон, посмотрел номер в своем

мобильнике и позвонил Владу. Поздоровавшись, сказал, что получил домик в деревне в наследство, неплохой домик, и пригласил пожить – и помочь разобраться со всякими доставшимися в наследство ништяками. Денег, если что, на дорожку переведу. Влад ответил, что деньги у него есть, чай, в соседней губернии живет, а не на Сахалине, спросил, как проехать и пообещал быть завтра ближе к вечеру. Его, мол, шурин привезет. Отбой.

Видно, жизнь у Влада нерадостна, раз вот так, без размышлений, сразу, он готов уехать, да не сам уехать, а шурин отвезет.

Ничего. Федор Федорович полагался (я думаю, что полагался) на своих людей. Нужно и мне обзаводиться своими. Нет, я, конечно, присмотрюсь к Владу, всё-таки время и обстоятельства нас меняют. На уровне в первый же не поведу, о золотом и оружейном запасе делиться не стану. Пусть просто погостит. Я был уверен, уж и не знаю почему, что здоровье Влада здесь поправится. Пусть не полностью, не совершенно и не сразу, но чувствовать себя он станет лучше, чем сейчас.

А там поглядим.

Я спустился в кабинет, не мезонинный, а тот, что на первом этаже. Захотелось восстановиться после разговора по спутниковому телефону – мне и в самом деле стало казаться, будто в мыслях возникла некоторая неупорядоченность.

На столе лежала папка. Обыкновенная. Тонкого серого картона. Давеча не было, а теперь появилась. Не иначе Вой-

кович принес.

Я раскрыл. Машинописная страничка, и более ничего. Именно машинописная, на механической пишмашинке – и неровные ряды, и неровность окраски, и буквы а, е и я не мешает прочистить.

Итак.

Пуля, выпущенная из русской трехлинейной винтовки образца 1891 года, в народе именуемой «мосинка», разбив стекло, снизила скорость до шестисот восьмидесяти метров в секунду, и потому путь от окна до головы Валеры, сидящего за партой в третьем ряду, преодолела быстрее, чем за одну сотую секунду.

Человек не способен отчетливо выделить подобный промежуток времени, и потому для Анны Киселевой, учительницы математики, ведущей урок в восьмом Б классе, дырочка в оконном стекле и чудовищное изменение головы Валеры слилось в одно событие. Более того, ей казалось, что сначала лопнула голова ученика, и лишь затем появилась дырка в стекле.

Уроки безопасности в школе проводили кое-как, формально, и потому одни – больше девочки – просто визжали, другие бросились к двери, третьи – на пол, а четвертые устремились к окну, посмотреть, кто там стреляет. Будь это реальный террорист, ученикам пришлось бы плохо, но более выстрелов не последовало.

Через сорок минут прибыла полиция. К вечеру же выяс-

нилось, что же случилось. А случилось вот что: член Совета Федераций Федерального Собрания Российской Федерации от Законодательного Собрания Чернозёмской области (заглавные буквы обязательны) Олег Замоскворецкий, приобрел для своей коллекции новый экспонат и, опробуя, сделал вид, что целится – и выстрелил. То есть симитировал выстрел – он был уверен, что винтовка во-первых, в небоевом состоянии (сточен боек, распилен ствол и т.п.) и во-вторых, не заряжена. Так он объяснился в полиции, после чего был с извинениями отпущен как бы под подписку о невыезде. Был ли Замоскворецкий в состоянии наркотического опьянения, был ли белый порошок, найденный в его доме наркотиком, неизвестно, следовательно, и говорить не о чем. Расстояния от виллы члена Совета Федераций до школы равнялось восьмистам метрам, и попасть в голову ученика можно было лишь случайно – на этом настаивали представители Замоскворецкого. Случай, несчастный случай, а все остальное – домыслы врагов России.

Правда, тут же нашли прошлогодние фотографии в инстаграме самого Замоскворецкого – как он с «мосинкой» позирует то на фоне убитого медведя, то лося, то кабана но тут же аккаунт стрелка закрыли, а снимки и вовсе не комментировали.

В итоге дело завершилось примирением сторон (то есть Замоскворецкого и родителей убитого ученика), плюс Замоскворецкий пообещал оплатить замену разбитого стекла.

Случилось это в октябре 2016 года.

Я позвал Войновича. И приготовился ждать.

Но не пришлось – он пришел секунд через пятнадцать.

– Звали, Иван Петрович?

– Звал, Владимир Васильевич! Один короткий свисток.

Сами научили.

– Что-либо требуется?

– Требуется. Во-первых, завтра к нам должен приехать гость, мой армейский друг, Влад Смирнов. Он болен, в принципе тяжело, но насколько скверно чувствует себя сейчас, не знаю. Постель, питание, покой, прогулки, чтение. Дело я ему подыщу сам. Если что – можно медсестру в районной больничке нанять для ухода. А хоть и в городе, поручить нашим юристам. Инъекции делать, капельницы. Но это позже, сначала нужно будет посмотреть на Влада. Лишнего медицинского внимания он не любит... не любил, когда я его хорошо знал.

– А сейчас, значит, знаете не очень хорошо?

– Болезнь с человеком разно уживается. До поры. Посмотрим.

– Будет сделано. А во-вторых?

– Во-вторых я нашел на столе вот эту папочку, а в папочке – листок – я показал его Войковичу. – Откуда и зачем?

Войкович осторожно взял листок, посмотрел с напечатанной стороны, посмотрел с обратной, а затем аккуратно вернул назад в папку.

– Это ваш дядя печатал. Его манера. Да и пишмашинка его, «Любава».

– Хорошо, дядя. Но кто положил папку на стол?

– Этот вопрос не имеет простого решения. Мы в таких случаях просто считаем, что это работа дома.

– Домовые, что ли, водятся?

– Не могу ответить ни да, ни нет. Но в данном случае эту папку положил на стол я. По привычке. Ваш дядя требовал, чтобы раз в неделю я доставал из ящика «неначатое» дело, и помещал его на стол.

– Из неначатого?

– Именно так.

– И что дальше?

– Дальше ваш дядя решал, стоит ли дело начать, или поручить кому-либо, или вернуть в ящик.

Теперь уже я перечитал текст.

– Начать в качестве кого? Частного детектива, писателя, общественного защитника или, напротив, общественно-обвинителя?

– В качестве судьи. Ваш дядя был полным судьёй значительной части Чернозёмской губернии. Примерно трети. Полным – это значит, что он одновременно был и прокурором, и адвокатом, и приставом, и палачом.

– Что-то я не слышал о таких судах и таких судьях. «Крестного отца» разве что смотрел, но до конца не досмотрел.

– В разных местах этот суд и зовут разное, а мафия – если убрать голливудски-литературный флёр – это прежде всего древняя судебная система, да. Но преступлений с некоторых пор стало слишком уж много, и вот сначала в качестве помощи Судье появились судьи от власти, а потом они и стали властью. А Судьи ушли в тень. Но не исчезли вовсе. Ваш дядя и был таким судьей.

– Не имею никакого желания быть Крестным Отцом.

– Не имеете – и не будете. А листок в мусорную корзину выбросите, или в камин. Прикажете разжечь камин?

– Погода не подходящая.

– Ну, подождём подходящей. И, кстати, от желания тут мало что зависит. Но вы пока и не судья, чего нет, того нет. Вы – исполняющий обязанности. То есть можете занять должность исполняющего обязанности. Если так сложится.

Говорил Войкович слишком уж затейливо. Я даже заподозрил, что он опробовал местной водки. Или бренди. Но нет, запаха никакого. Мы уже несколько минут рядом, непременно бы учуял.

Я продолжать разговор не стал. Сказал лишь, что пойду, пройду по усадьбе, спать буду в мезонине, на тёмной половине, и хотел бы выпить чашку травяного чая, а более ничего.

Войкович, то ли осознав, что для слуги он вел себя неподобающе, то ли ничего не осознав, а просто по долгу службы, слегка поклонился и вышел.

А я положил папку на стол и отправился на вечернюю прогулку. Шёл не торопясь. Эк куда дядюшка меня поставить хочет, будто чугунную пешку на фарфоровую шашечницу. На страх игрокам.

А я не токмо пешкою, но и самим ферзем в чужих руках не хочу обретаться.

Подумал и рассмеялся. Это уже не Чехов, не Тургенев даже, а Ломоносов. Большой силы поэт, как считал дядюшка.

Гулял я, и потихоньку проникался видами. А заход солнца наблюдал из мезонина.

Прогулка навела меня на идею. Пустую, нет, покажет опыт, сын ошибок трудных.

6

Я закрыл все окна на ставни. Все, кроме одного, того, что смотрело в сторону Чернозёмска. Над окном так и написано было: «Чернозёмск» и указан градус. Север, понятно, ноль градусов, юг – сто восемьдесят, а Чернозёмск – девяносто два к западу от севера. Не совсем точно по окну, но в принципе виден. Ну, если бы земля была плоская, а воздух кристально чистый. Этакая ментальная камер-обскура, всплыло древнее название. Или долговременная ментально-огневая точка. Или будка киномеханика.

Потом я установил кресло у границы «север-юг» и сел, повернув его в сторону губернской столицы. Всё инстинкт, всё инстинкт. Никаких инструкций. Ну, может, дом нашептал.

Выключил кампусный фонарь и, успокоясь, сколько можно, стал ждать.

Но не ждалось. Вдруг захотелось пить. Потом наоборот, и пришлось спускаться. С удобствами как-то у графа не очень. Урыльники, верно, были, за которыми следила крепостная прислуга, а граф Лев Николаевич Толстой ночные вазы собственноручно опорожнял и детей приучил.

Мне же легче по дому прогуляться. Сходить в барский ватерклозет.

На обратном пути встретил Анну Егоровну. Та несла мне – нет, не урыльник, а две ароматические свечи. И воск, не

сомневаюсь, с местных пасек, и травки местные. Дядя любил именно такие свечи. Комаров отгоняют, беспокой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.